

**Династия Романовых
в контексте проблематики
русской истории Нового времени.**

Русская империя неразрывно связана с династией Романовых. Семья представителей московского столбового дворянства, не имевшая кровного родства ни с одной из монархических семей Христианского мира¹, возглавила Россию, когда ее идея «Третьего Рима» (т.е. Вселенского Православного царства) и, соответственно, исторический путь как восприемницы погибшей в 1453 году Византии, был уже определен. Такая данность осознавалась и принималась всеми, что предопределяло устойчивость социально-политической системы даже в сокрушительно кризисные ситуации, но, в то же время, порождала и множественную проблематику в контексте, как оказалось, принципиальной невозможности конечной адаптации замысла ходу развития цивилизации в Новое время. К восприятию «византийского наследия»

¹ Первым из достоверно известных членов этого рода был упоминаемый в летописи на 1347 год боярин Андрей Иванович Кобыла, приближенный великих князей Ивана I Калиты и Симеона I Гордого. По родословным спискам он имел четырех сыновей: 1. Семен Жеребец (родоначальник родов Лодыгиных, Коновницыных, Кокаревых и Образцовых), 2. Александр Елко (родоначальник родов Колычевых, Неплюевых, Лошаковых-Колычевых, Хлызневых-Колычевых и Немятых-Колычевых), 3. Василий Ивантей, 4. Гаврила Гавша (родоначальник рода Боборыкиных). В XVI в. Я.З.Кошкин-Захарьин (ум. 1530 г.), М.Ю.Захарьин-Юрьев (ум. 1539 г.), Г.Ю.Захарьин-Юрьев (ум. 1567 г.) были воеводами и боярами, а Р.Ю.Захарьин-Юрьев (ум. В 1543 г.) был окольным – они уже входили в число московской служилой элиты (столбовое дворянство), но с княжескими родами не роднились. Возвышение рода произошло при Иване Грозном: первой (и любимой) женой царя была Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (ум. 1560 г.). Родной брат царицы Анастасии, боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев (ум. 1584 г.) имел огромное влияние при дворе и был назначен первым регентом при царе Федоре I. Сын Н.Р. Захарьина-Юрьева, боярин Федор Никитич (1554-1633) был первым, кто стал носить фамилию Романовых.; он был племянником царицы Анастасии и, следовательно, сводным двоюродным братом царя Федора I. Соответственно, Михаил Федорович Романов, ставший основателем династии в 1613 г., являлся сводным троюродным племянником последнего монарха из династии Рюриковичей. См. подробнее: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; *Гребельский П., Мирвич А.* Дом Романовых: биографический справочник. Л., 1989; Все монархи мира. Россия (600 жизнеописаний) / Под ред. К.Рыжова. М., 2001.

Россия сподвигалась задолго до крушения Византии. Конечно, можно представить «преемство» как некую цепь случайностей, однако та бы-строга, с которой была отлита в классическую по своей цельности им-перская доктрина «Третьего Рима», свидетельствует об исторической готовности только что объединившейся страны к столь масштабной идее, величественной в своем вселенском мессианстве.

Правда, доктрина эта до самого конца XVII века оставалась во-все теоретически не обработана, была неким «общим местом. Но важ-но, что именно – «общим»: это было то самое «невыразимое», что яв-ляется «внутренне сущностным» и «всеобщим». Как правило, доктри-ны начинают тщательно прорабатываться, обрастать методологиче-скими «костылями» и пространными комментариями именно при надвигающихся кризисах. Не случайно апологетикой и подробной разработкой доктрины занялись славянофилы со второй трети XIX ве-ка, когда «подмороженная» Николаем I империя двигалась к своему закату, а до катастрофы оставалось менее века.

Формально, доктрина «Третьего Рима» была озвучена на По-местном соборе 1503 года² и, следовательно, именно с этого времени Россия стала Православным царством, т.е. – новой Византией и, соот-ветственно, новой империей. Значит, ко времени утверждения Ми-хаила I Феодоровича на Земском соборе в 1613 году, как государя и ос-нователя новой царской династии, Россия имела более, чем вековой опыт истории в новом качестве. Если временной объем Российской империи составляет четыре века, то с династией Романовых связано из них только три, что, несомненно – подавляюще большая часть, од-нако же не все. И это «не все» – принципиально существенно: Рома-новы «подхватили власть» в империи, которая уже имела традиции, в которой многие основополагающие проблемы были поставлены и вектор исторического движения обозначен. Романовы во всех после-дующих поколениях, как то и всегда происходит с входящими во власть, оказались заложниками не ими сформированной ситуации, в которой чаще приходится рефлексировать, где «прокладывание ново-го русла» неизбежно сопряжено с огромными усилиями по преодоле-нию инерции и, как следствие, с многими жертвами.

Хороша или плоха оказалась династия – вопрос слишком абст-рактный. Каждый из монархов – в большей или меньшей степени – имеет те качества, которые вызывают симпатию. В то же время – и это

² Вопрос о доктрине впервые и досконально исследован в книге В.С.Иконникова (Опыт исследования о культурном значении Византии в рус-ской истории. Киев, 1869). Авторство доктрины принадлежит монаху Фило-фею из Елизарьева псковского монастыря; она изложена в двух его посланиях – к дьяку М.Г.Мисюрю-Мунехину и великому князю Василию III (1523 г.) Но Филофей повторяет положения «Изложения Пасхалий» московского ми-трополита Зосимы от 1492 г. Зосима был обвиняем св. Иосифом Волоцким в склонности к ереси жидовствующих.

Династия Романовых

естественно, если говорить не о мифологии, а о реальных людях в реальное время – ни один из них не идеален, а, значит, к каждому из них – претензий в избытке.

В целом же династия Романовых в сравнении с иными династиями выглядит вполне достойно, и, быть может, даже преимущественно: именно с монархами этой царствующей семьи связано превращение России в державу, о которой один из ее политиков заметил, что «в Европе ни одна пушка не выстрелит без нашего на то согласия».

Именно с Романовыми связано стремительное территориальное расширение государства, простершегося, в конечном счете, от Балтики до Тихого океана, сразу на трех континентах – Европе, Азии и Америке. Нельзя не заметить, что расширение территории государства началось еще при Иване III и было продолжено при Иване IV, т.е. при последних Рюриковичах. Однако при угасающей старой династии Россия, уже являясь царством (именно тем, чем она по-настоящему станет именно при Романовых), в основном расширялась в направлениях, не требующих большого напряжения. А как раз там, где это напряжение требовалось, государство сокращалось (достаточно вспомнить Ливонскую войну 1558-1583 гг.). При Романовых же империя расширялась, и с постоянным успехом!, и в восточном (не требующем большого напряжения сил) и в западном направлениях.

Именно с Романовыми связаны долгие десятилетия блистательных военных побед на суше и на море, что исключительно важно для самосознания нации и ее сохранения в периоды кризисов. И именно с Романовыми связано направление дальнейшего развития русской науки и культуры, достигших в исторически короткое время небывалого расцвета, явивших миру удивительный по разнообразию и цельности, по глубине и своеобразию феномен.

И, тем не менее, финал оказался трагическим, как для династии, так и для России: революция, гражданская война, террор, атеизм. А вот имперская идея в XX столетии будет продолжена, но уже в извращенно-вульгарной форме, лишенной духовной основы в Православии, что предопределяет, в конечном счете, уязвимость и неустойчивость извращенной социально-политической системы, а на исходе века, при смене цивилизационных стереотипов, вызовет новый период крушений и трагических испытаний, в очередной раз поставивших Россию перед бездной небытия³. Причина катастрофы слишком сложна, чтобы ее искать только в персоналиях, в ошибках, допущенных только монархами династии, хотя характер автократии (традиции и законы империи) именно на династию возлагает основную (если не

³ Собственно все русские философы начала XX в. были единодушны в том, что сколь бы ни было тяжело время крушения Российской империи и вхождение в эпоху большевизма, но гораздо большие трудности ожидают Россию, когда она начнет выкарабкиваться из Советской «красной империи», освобождаясь от ее наследия.

всю целиком!) тяжесть ответственности за последствия рокового хода событий. Столь объемное отношение к правящей династии сформировалось задолго до утверждения на троне Романовых – эта традиция не связана с византийским наследием, но имеет истоки в самом начале единой древнерусской государственности.

Перед закатом Киевской Руси летописец Нестор в «Повести временных лет»⁴ последовательно проводил идею неразрывной и свыше преопределенной связи княжеского клана Рюриковичей и Руси. Рюриковичи в своей совокупности, а равно и каждый лично, – и те, кто уже отошел в прошлое, и те, кто был жив, и те, кому еще предстояло появиться на свет в далекой перспективе веков, – представлялись летописцем, как «Небесная дружина», которой Богом вручена судьба русской земли и ее народа и которая перед Богом ответственна за Русь⁵. Неразрывная связь наследников скандинавских Скьелдунгов и Руси длилась семь веков – огромный срок в истории, ознаменованный величественными триумфами и ужасающими трагедиями: Русь сформировалась в огромную державу, пережила хаос распада и усобиц, унижение поработением, возрождение и новое объединение в идеологеме «Третьего Рима».

Разница между народом и нацией, в сущности, проста. Нация есть народ, осознавший в процессе определенного (и, конечно, драматичного, исполненного страданий, испытаний, преодолений и т.д.) исторического пути свое историческое предопределение, т.ск. «философию бытия», и сформировавший стереотипы поведения, в эпосе, этосе, мелосе, т.е. в памятниках культуры. Поскольку национальные государства формируются в основном к концу XV – началу XVI века, то выходит, что Россия, несмотря на монголо-татарское иго, никак не отстала по времени от европейцев. Ведь создание единого русского государства, именуемого Московской Россией произошло в правление Ивана III. Кстати, знаком создания национального государства является забота о национальной идее и идеологии – в России и это происходит при Иване III (доктрина «Третьего Рима»).

Однако ничто не вечно: в ком Создатель более не имеет упования и на кого обрушивает Свой испепеляющий гнев, то, как известно,

⁴ «Повесть временных лет», завершенная Нестором к 1113 году (затем дополнявшаяся другими авторами, но в русле заданной Нестором концепции), является летописью по форме, но замысел ее больше бесстрастной хронологии. По сути, «Повесть» является самым ранним из известных нам и, вместе с тем, одним из самых блестящих опытом не столько формальной фиксации, сколько осмысления древнерусской истории, опытом создания развернутой эпической картины рождения и расцвета древнерусского государства. Сочинение Нестора одновременно и историческое, и историософское.

⁵ Нельзя не видеть здесь аллюзий Нестора на ветхозаветную традицию – аналогично обосновывалась царская власть в древней Иудее при Сауле, Давиде и его потомках.

Династия Романовых

прежде лишает того разума, – два последних Рюриковича, бывшие полноправными автократорами, несли в себе явные следы душевного распада и интеллектуальной инверсии. Рюриковичей на Руси (да и в Литве) было в разных ответвлениях множество, но более они, рассеянные и утратившие между собой чувство родства, не являлись «Небесной дружиной»⁶.

Очевидно, продолжая концепцию Нестора, следовало бы видеть в Смутном времени проявление очистительного Божьего гнева и, одновременно, что-то вроде катарсиса античной трагедии. Избрание Романовых при такой драматургии – знак очищения Руси и возвращение ей Божьего упования, в том числе и в даровании новой «Небесной дружины». При ней Руси (теперь уже России!) суждено было вновь возродиться, достигнуть зенита могущества и, расшатав свои духовные основы, искусившись новыми идеями «познания», породив в самой себе (как всегда из лучших побуждений!) поколение нигилистов, рухнуть в бездну новой Смуты.

Колесо истории вновь полностью обернулось и круг словно бы вторично замкнулся трагедией. Но там, где в истории конец, там и новое начало. Только в пошлом воображении новоевропейского человека в истории «трагедия повторяется, как фарс». Трагедия неизменно повторяется, как трагедия, поскольку и вся, в сущности, история человечества есть трагедия блуждания в лабиринте времени в поисках утраченных смыслов через разрешение все усложняющихся с каждым витком сюжетных архетипов. На новый круг истории Россия вышла без новой «Небесной дружины», т.е. ответственность возложена не на представителя-посредника, а на сам народ, поскольку именно таков был его выбор дважды за XX столетие, – в 1917 и в 1991 годах.

Впрочем, нельзя не заметить, что история династии Романовых – при известном, конечно, желании, – дает основание для как бы мистических размышлений: тема мстительного рока, определяющего драматургическую «закольцованность» (от Смуты начала XVII века к Смуте начала XX века: от предательства боярского рода Романовых к предательству окружением императорской династии Романовых) может быть легко обнаружена. В начале и в конце истории династии – два Михаила, а отречение последнего Романова состоялось на станции с красноречивым названием Дно. Николай II отрекся от власти от себя и от имени своего сына Алексея в пользу своего брата, а младший брат, Михаил Александрович, явившись с революционным красным

⁶ Уже в ходе удельного членения (XIII век) Рюриковичи распались на восемь самостоятельных ветвей, а именно: 1) Полоцкую, 2) Галицко-Перемышльскую, 3) Турово-Пинскую, 4) Черниговскую, 5) Владимиро-Волынскую, 6) Смоленскую, 7) Городненскую.. 8) Владимиро-Суздальскую. Деление впоследствии продолжалось и стало весьма разветвленным. Подробнее: 1) *Зимин А.* Состав боярской думы в XV-XVI вв. М., 1958; 2) *Зимин А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

бантом к Таврическому дворцу, в свою очередь отрекся от трона в пользу абстрактного Учредительного собрания, легитимизировав начавшийся хаос и, т.о., совершив предательство монархии, т.е. Российской империи⁷.

И в самом деле, обретение Романовыми мономахова венца и барм проходило этически небезупречно. Связь боярского рода Романовых с Григорием Отрепьевым не подлежит сомнению, как несомненна и заинтересованность Романовых в заговоре с целью свержения Б.Ф.Годунова⁸. Известно, что из всех московских бояр только Романовы были награждены Лжедмитрием I. В частности, находившийся в Антониево-Сийском монастыре монах Филарет (бывший боярин Ф.Н.Романов, отец будущего царя Михаила I) с великой честью был привезен в Москву и возведен сразу в сан митрополита Ростовского; тогда же, кстати, сын новоявленного митрополита Михаил, хотя и не имевший даже десяти лет от роду, был определен в царские стольники, а митрополичий младший брат Иван – боярином.

Старшие Романовы – митрополит Филарет и боярин Иван Никитич – сделали все для ослабления власти В.И.Шуйского и, в конечном счете, крушения его правительства (нельзя не видеть – в заговоре против «боярского царя» Василия Шуйского состоят все родственники Романовых, в частности, князья Катыревы-Ростовские, Сицкие, Троекуровы, Черкасские). Лжедмитрий II, известный как «тушинский вор», возвел митрополита Филарета в «патриархи», и того не смутило, что на Руси к этому времени уже было два патриарха: один, Иов, находился с 1605 г. в изгнании в Старицко-Успенском монастыре, другой же, Гермоген, впоследствии известный как «третий святитель Московский» и духовный лидер национального возрождения русского государства, пребывал в Кремле. Иов был политическим сторонником покойного Б.Ф.Годунова, Гермоген же поддерживал В.И.Шуйского, – следовательно, оба были врагами клана Романовых. Подписывая свои грамоты как «Великий Господин, митрополит ростовский и ярославский, нареченный патриарх Московский и всея Руси», Филарет призывал признать в очередном самозванце подлинного «царевича Дмитрия».

Прорываясь к власти, Романовы добивали остатки русского государства (сюжет, к сожалению знакомый и из новейшей истории Рос-

⁷ Действия Романовых в 1917 году поражают тем, что будто бы для российской правящей династии относительно недавний опыт Великой Французской революции прошел мимо – не только не был осмыслен, но и оставался вовсе неведом.

⁸ В.Н.Сторожев (Боярство и дворянство в XVII веке // Три века. Т. 2. М., 1912) вполне доказателен в утверждении мысли о том, что вся Смута была инспирирована московской аристократией в процессе борьбы за власть друг с другом и борьбы старых родов с выдвинувшимся в ходе опричнины дворянством.

Династия Романовых

сии)⁹. Не в последнюю очередь разрушительно-провокационной деятельностью Филарета вызвано то, что в 1610 г. польский король Сигизмунд III Васса ввел войска в русские пределы, стремясь посадить на московский престол своего сына Владислава. Почти на три года Россия как самостоятельная держава прекратила свое существование. Филарет был полякам уже не нужен – «мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

Семилетнее пребывание в польском плену оказалось для Филарета (и для всей семьи Романовых) спасительным – оно превратило его из предателя в «страстотерпца» и обелило его в глазах смертельно уставших от Смуты современников, жаждавших покоя и стабильности. Россию спасли истинные патриоты, что, не мудрствуя лукаво, встали под знамена Нижегородского ополчения. В блокированном ополченцами К.Минина-Сухорукова и князя Д.Пожарского московском Кремле, куда рвался гетман Ходкевич, сидели вместе с поляками Гонсевского, Струся и Будилы почти все бояре, в том числе – и Романовы. Ни один из них даже словом не заступился за умучиваемого голодом в кремлевском узилище патриарха Гермогена. Когда 26 октября поляки, засевшие в Кремле, капитулировали и ворота в Троицкой башне распахнулись, на каменный мост вступили, прежде всего, представители московской аристократии во главе с князем Федором Мстиславским; среди них были и боярин Иван Романов с племянником Михаилом и его матерью, инокиней Марфой.

Это был смертельно опасный момент в русской истории, который мог бы оказаться фатальным по последствиям – стоило толпе, собравшейся на Неглинной и обступившей выходящих из Кремля, разъяриться при вспоминании о злодействах и предательствах московской элиты, воспользоваться их униженно-беспомощным состоянием, чтобы удовлетворить острое чувство обиды, гнева и жажды мщения, ничто не спасло бы князей и бояр от гибели; пролилась бы кровь, которая ввергла бы страну в новый самоубийственный виток Смуты. Хладнокровие князя Д.Пожарского, немедленно и решительно пресекающего ропот в рядах казаков, а прежде всего выстрадавшая годами разорений мудрость народа не дали свершиться кровопролитию. Этот день про-

⁹ Как здесь не вспомнить, что С.М.Соловьев одной из главных причин Смуты видел во всеобщем упадке нравственности, прежде же всего – в моральном разложении властной элиты, которая вовсе забыла о патриотизме и заботилась исключительно об удовлетворении собственных амбиций и сведении друг с другом старых счетов. Смута – результат деградации знати, начатой при регентше Елене Глинской. Именно торжество эгоизма стало причиной фактической измены и распада страны. Позиция С.Соловьева считается идеалистической. Но нельзя не видеть, что именно утрата патриотизма, эгоизм и нравственный распад элиты стали условием (во всяком случае – условием: обязательным, но, б.м. и недостаточным) гибели всех без исключения империй – и Ахеменидской, и Римской, и Византийской, и, в конечном счете, Российской в 1917 г., и Советской в 1991 г.

щения во имя будущего возрождения страны теперь справедливо отмечается как день национального примирения¹⁰. Спустя три месяца Земский собор избрал царем стольника Михаила Романова, сына «тушинского патриарха» Филарета и племянника последнего Рюриковича.

После Смуты началась новая глава истории России. Конечно, впоследствии история будет подправлена, однако Романовы несут весьма значительную часть вины за Смутное время, за гибель семьи Годуновых, за уход старых княжеских родов с политической арены. Отрицать эту вину бессмысленно. Но и преувеличивать не стоит: какому из знатных родов – и тех, кто пережил Смуту, и тех, кто сгинул в ней, – нельзя предъявить тех же упреков? Кому – в большей степени, кому – в меньшей. На то и Смута – каждый мыслил свое, плел паутину интриг и заговоров, часто сам же в них и попадая. Этические качества русской политической элиты на рубеже XVI-XVII веков оказались удручающе ничтожными.

Таков был результат предыдущего исторического периода, связанного с растленно-разорительной тиранией Ивана Грозного. Потому-то «народ безмолвствовал», что утрачено было доверие и уважение к власти, к «сильным родам», ставших, не смотря на свою знатность и богатства, государевыми холопами. Впрочем, этические качества западноевропейской политической элиты на то время были ничуть не лучше. Драматургия истории человечества вся замешана на крови и страстях, которые умножаются многократно, когда происходит смена эпох. А XVI-XVII века как раз и являются периодом «смены эпох», т.е. переходом от христианской синкретики средневековья к секулярности Нового времени. Россия – органичная часть Христианского мира и она тоже переходила из одной эпохи в другую. Причем, для нее задача многократно усложнялась тем, что страна взвалила на себя бремя «Третьего Рима», что затруднило политическое маневрирование и адаптацию к циничным реалиям Нового времени. Безжалостность переходного периода – и в России, и в Европе – не лишена исторического смысла: шел отсев архаической (безнадежно «вчерашней») «факту-

¹⁰ Страну, государство, идею «Третьего Рима» спасли не те, кто был прежде всего к этому призван фактом ближнего «стояния у трона», а простонародье, такие люди как Минин-Сухоруков и Сусанин. Случись 26 октября у Троицких ворот кровавый поворот в сюжете, и судьба России сложилась бы совершенно иначе. Возможно, из пожара пролонгированной на годы Смуты страна выбралась бы в направлении более приемлемом для «западников», т.е. без православной автократии, с сильным местным самоуправлением, с устойчивой тенденцией к бюргеризации и тенденцией к трансформации Земского собора в постоянный сословно-представительский орган законодательной власти. Правда, страна могла и вовсе погибнуть, и ее слабость спровоцировала бы соседей на ее расчленение. Европа находилась в начале эпохи формирования колониальных империй, а Россия с XIII века была очевидным объектом западноевропейской экспансии.

Династия Романовых

ры», из новых людей формировались властные элиты, которым предстояло вести страну в неведомое и опасное будущее. Смена династий в этом процессе обновления – закономерна. В России это происходило в период с 1598 по 1613 годы¹¹.

Романовы пришли к трону в результате жестокой и долгой борьбы. Но когда и где было иначе?! Романовы не в большей (и не в меньшей) мере виновны, чем любая иная семья, утверждавшаяся на престоле и создававшая династию. Выживают в кровавой борьбе за власть не восторженные романтики, а самые приспособленные и циничные. Но одного цинизма для власти мало. Утверждаются во власти те, в ком все сословия видят упование своих ожиданий – не самый умный, не самый отважный и даже не самый легитимный, а самый соответствующий характеру времени, воплощение стереотипа эпохи. Именно таковым и оказался Михаил из рода Романовых. Вопрос в том, насколько оправданы были упования? Пожалуй, стремительное расширение страны и превращение России в одну из ведущих стран мира (что было официально зафиксировано в Венском трактате 1815 года статусом «великой державы») дает ответ скорее положительный¹².

¹¹ Но и европейские державы тогда переживали не менее драматические сюжеты смены династий и, соответственно, обновления элит. Примерно в то же время сменилась династия во Франции, и тоже в ходе Смуты – религиозной войны гугенотов и католиков. В 1589 г. пресекся дом Валуа и утвердились Бурбоны. Тот же сюжет в Англии, где в 1603 году на смену Тюдорам приходят Стюарты. То же – в Швеции, где чуть более чем за век династия поменялась дважды: в 1523 году воцарились наследники Густава Вассы, а в 1654 году их сменила немецкая династия Пфальц-Цвейбрюккенов. В Португалии в 1581 году, после краха в Магрибе военной авантюры короля Себастиана, пала Ависская династия и после «габсбургского интермеццо» в 1640 году в Лиссабоне утвердилась Браганская династия. Кажется, в Испании прочно сидели Габсбурги, но, во-первых, и они сравнительно недавно (в 1517 году) сменили династию Транстамара, а, во-вторых, сравнительно скоро и они уйдут (в 1700 году), смененные Бурбонами.

¹² Конечно, сохранение династии имеет определенные сложности в XVIII веке. По мужской линии династия могла быть продолжена только в наследниках Петра I, но единственный из таковых, его внук Петр II, умер в 1730 г., не оставив потомства. Другой внук Петра I, Петр III Федорович, продолжал династию лишь по женской линии, будучи сыном Анны Петровны и герцога Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского. Брат же Петра I и его соправитель в 1682-1696 гг. Иван V от брака с П.Ф.Салтыковой имел пять дочерей, одна из которых стала императрицей (Анна Иоанновна, 1730-1740 гг.). Если исходить из строгого правила, что династия жива, пока трон передается сугубо по мужской линии, то династия Романовых пресеклась в 1761 г., с кончиной Елизаветы Петровны. Но история всегда непредсказуемее и шире формальных человеческих правил. Известно, что принадлежность к той или иной нации принято определять по личному убеждению индивида. Данное положение целесообразно распространять на династию. Екатерина II явилась, несомненно, под-

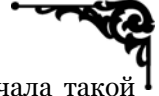
И для ближней перспективы ответ, несомненно, положительный – в своем властном дебюте династия в лице Михаила Федоровича продемонстрировала вменяемость, осторожность и способность к уклонению от крайностей. Впрочем, на Земском соборе 1612-1613 года так далеко не заглядывали – страна нуждалась в «мирном царе», т.е. человеке умеренного темперамента и скромных амбиций, не склонного к зверствам и вменяемого к советам знати, т.е. такого, кто воплощал бы покой, в котором страна после полувекового кошмара так нуждалась. Не в великом реформаторе, который бы своей волей в очередной раз «поднял бы Россию на дыбы», а в обывателе, что дал бы стране передохнуть от длившихся без малого век великих потрясений. В этом тем более не ошиблись – Михаил Федорович по смирению, по лишенному яркости и динамизма характеру может соперничать разве что с первым московским удельным князем Даниилом Александровичем и Иваном Красным¹³.

Итак, лишь отчасти, и не в первую очередь, причина конечной катастрофы 1917 года в персоналиях и в психологии. Прежде же всего причины эти – в концепции власти, возможно, в роковом несоответствии той идеи, что была воплощена в династии, изменяющемуся времени и очередным историческим вызовам.

На картине «Заседание боярской думы (сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате)», написанной А.П.Рябушкиным в 1893 г. первый государь династии сидит в анфас со спины. Можно говорить о характерах сидящих перед ним и изображенных к зрителям лицом бояр, но к самому царю художник оказался жесток: никаких следов ума, воли, интереса к происходящему, даже, казалось бы неизбежного властолюбия в обтекаемых чертах лица и фигуры, в закрытых глазах, в округлом затылке нет. Не столько монарх, сколько кукла. В самом ли деле с этой крайне невыразительной фигуры начинается новая эпоха в русской истории?

линным продолжателем дела Петра I, а равно и духовное единение с судьбой страны государей XIX в. несомненно.

¹³ Был ли вообще выбор на Земском соборе 1612-1613 года? Теоретически – был, но на практике нет. Князь В.Голицин (Гедиминович) находился в польском плену. Князь Д.Трубецкой (Рюрикович) был главой т.наз. «воровской думы», человек авантюрный и непредсказуемый. Князь Д.Пожарский (Рюрикович) был опасен популярностью в простонародье и потенциальной независимостью от аристократии, т.е. был фигурой слишком самостоятельной и решительной. За Романовых были Церковь, столичное (столбовое) и провинциальное дворянство, а также городские посады. Была еще кандидатура королевича Владислава (признание его царем прекращало бы тотчас войну с Речью Посполитой), но ненависть к полякам была слишком велика в народе, для аристократии же Владислав был неприемлем т.к. за ним стояла фигура его отца, короля Сигизмунда Вассы.

Обывательское сознание утверждает в качестве начала такой эпохи время Петра Великого: можно по-разному относиться к первому русскому императору, но никто не станет оспаривать тот факт, что его лихорадочно-реформаторская и грандиозная по охвату деятельность явилась исторически поворотной в судьбе страны.

На фоне воинственной и кардинально меняющей даже сам внешний облик страны «петровской эпохи» XVII век с его многокрасочным узорочьем, малиновым колокольным звоном, живописными объемами теремов и храмов, окладистыми бородами и парчовыми шубами на соболях, а, главное, с внешне неспешным ритмом укоренившейся в неповоротливых традициях жизни кажется естественным продолжением XVI века и всего русского средневековья. Но, пожалуй, именно что – «кажется»: не случайно век-то называется «бунтарским», а это красноречиво свидетельствует о внутреннем и стихийно, неуклонно разрастающемся кризисе, о несомненной внутренней динамике во всех сферах жизни – и социально-политической, и экономической, и религиозной. Кризисные явления, расширяясь и углубляясь, неизбежно потребуют разрешения. И чем далее оттягивается это разрешение, тем мощнее, драматичнее и жертвеннее окажется историческая кода – так и случилось при Петре Великом.

И С.М.Соловьев, и его ученик и приемник В.О.Ключевский, два величайших русских историка, были единодушны в убеждении, что в России XVII века гораздо больше сходства с последующим XVIII веком, нежели с веком предыдущим. По их мнению, весь XVII век был подготовкой к «петровским реформам». С.М.Соловьев был более осторожен, считая, что в первый век истории Романовых имелись тенденции как обновленческие, так и консервативные. В.О.Ключевский более категоричен.¹⁴

С.Ф.Платонов, в согласии с позицией своих предшественников и высказывая ставшее ныне «общим местом» соображение о том, что в XVII веке продолжалась и ускорялась централизация русского государства, делал акцент на том, что время первых Романовых является переходным от частного быта к государственному, восторжествовавшему в «Петербургский период».¹⁵ Н.П.Павлов-Сильванский, соглашаясь со своим современником, указывал на XVII век как на время, когда государство окончательно обрело доминирующий характер, т.е. стало тотальным по своему значению, что является признаком империи.¹⁶

Справедливо будет считать XVII век своеобразной «увертюрой» к истории Российской империи. И как в каждой увертюре, в ней содержатся основные темы, которые получают свое дальнейшее развитие при последующем действии.

¹⁴ Ключевский В. Сочинения. Т.3. М., 1957. С. 363.

¹⁵ Платонов С. Лекции по русской истории. СПб., 1997. С. 366.

¹⁶ Павлов-Сильванский Н. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 157.

Рассмотрим последовательно эти темы.

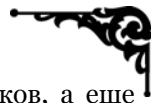
Тема первая – героико-трагическая, что свойственно всякому началу, которое, одновременно и конец предыдущей эпохе. Темп стремительный, обжигающе опасный – **allegro con brio**. При таком темпе в культуре – одни наметки «пунктиром», хотя в них проявляются и традиционность, и новации. Нет ни цельности системы, ни законченности. Одни наброски, все отнесено к будущему. Героизм предполагает суровую строгость классики. Стихийность – упругую пластику барокко. Впрочем, барокко не только импровизационно, но и изысканно изобретательно, тяготеет к игре, к карнавальности масок. При этом, оно слишком затратно и эмоционально, и материально. Образная же система мощного, стремительно нарастающего героического **crescendo** предельно упрощенна, тяготея к почти лубочной ясности со свойственным лубку ярким, без полутонов, колоритом.

Московское царство Романовых рождалось в Смутном времени, которое созвучно времени Петра Великого – тоже своеобразной «смуте». И в том, и в другом случае несомненен переломный момент истории: рождение нового через множество разрушений и жертв – этим сопровождалось и восстановление русского государства из обморока Смуты и создание Российской империи из обморочной стагнации всего XVII века. Задачи столь исторически масштабны и судьбоносны, что разговор о цене неуместен – в конечном счете, речь идет о самом факте существования в истории. Правда то, что история не знает солагательного склонения – все пишется, т.ск., «набело». Вместе с тем, история – не жестко проложенное русло: подобно человеческой жизни, где объективность исходной мизансцены не приводит к появлению фатального сценария, ибо сталкиваясь с субъективностью свободы воли и, соответственно, постоянного выбора пути, определяет вариативность биографической драматургии, также и жизнь народа, нации, государства свободны в интенсивности и форме реагирования на тот или иной исторический вызов.

Не нужно иметь прозорливости и богатой фантазии, чтобы понять, что ожидало Россию, не случись К.Минина-Сухорукова и Д.Пожарского в «нужное время и в нужном месте» в начале XVII века или – не случись Петра Великого на рубеже XVII и XVIII веков: эпоха агрессивного европейского колониализма была в самом зените, Россия привлекала – как и Америка, как и Африка, как и страны Азии – своим богатством и огромными возможностями в их эксплуатации с последующей возможностью счастливого и процветающего существования Европы, вставшей на путь капиталистического развития. Пожалуй, положение России было всего опаснее – ее территория находилась не за морями, а буквально под боком Европы, на расстоянии «вытянутой руки».

Если же возникнет сомнение, будто бы столь огромное образование с богатым прошлым, как Россия, не могло исчезнуть бесследно,

Династия Романовых

то достаточно вспомнить судьбу империй ацтеков или инков, а еще лучше – Византии! История жестоко и красноречиво свидетельствует всем богатством своей драматургии, что в ней нет практически ничего невозможного. В начале XVII века России – и в этом величие подвига народного ополчения 1612 года! – буквально в самый последний момент удалось отбить атаку, которая была очень близка к завершающей цели. Отбить – на большее просто не было сил. Кардинальное же решение проблемы – в качественном, адекватном историческому времени и ее суровым вызовам обновлении страны, что было отложено почти на век. Петру I пришлось решать со значительным опозданием (откуда и экспрессивный характер реформ) тот комплекс проблем, что явился результатом развития Московской Руси Рюриковичей (XVI век), что спровоцировал Смутное время, и что так и не был решен в Московском царстве Романовых в XVII веке.

Петр Великий, в отличие от людей Смутного времени, – куда более сложная личность. Он – вообще одна из самых неоднозначных и спорных по сию пору фигур в отечественной истории – в безграничном диапазоне от ломоносовского «Человека, Богу подобного» до мерзковского «Антихриста». И в том, и в другом случаях – фигура сверхчеловеческая и в своих качествах, что хороших, что плохих, чрезмерная до гротеска. В этой избыточности и амбивалентности он – тип исключительно национальный. Петр I – человек в равной мере принадлежащий истории, как и современности, ибо к нему пока по сию пору нет равнодушного (т.ск. «прохладного») отношения. К его громадной, полной парадоксов личности мы обречены постоянно возвращаться, поскольку все «узлы» российской истории завязаны именно им. Поистине, если понять личность Петра I означает понять феномен русского человека, то понять время Петра I – значит понять судьбу России. К сделанному им можно относиться различно, но одно несомненно – при всех издержках деятельность его оказалась для России спасительной в той же мере, что и подвиг лидеров ополчения 1612 года. И что существенно – как К.Минин-Сухоруков с Д.Пожарским, так и Петр I равно стали национальными героями, а их памятники (в Москве работы Н.Мартоса, а в Петербурге работы А.Фальконе) стали зримыми символами русской государственности. А это значит, что они, разделенные XVII столетием, смогли выразить потаенную мысль народа, пробудить и возглавить ее спасительную для страны стихию – и в этом они герои эпические и народные, личности подлинно исторического (т.е. определяющего дальнейший ход событий) масштаба!

Тема вторая – стагнация. Темп замедленный – **andante non troppo**. Колорит пестрый, но не от эмоциональной полноты, а от тяготения к декоративности. По контрасту с суровостью первой «темы», здесь любят много строить и вообще украшать жизнь. Если в героической теме предельно важно «быть», то теперь важнее «казаться». Про-

стога подменяется сложностью ритуалов, а естественность – изысканной и небезопасной игрой.

Стагнация тридцатилетнего правления Михаила I Федоровича удивительно созвучна стагнации чуть более, чем тридцатилетнего периода «Дворцовых переворотов». Нельзя не признать – есть досада на то, как, казалось бы, неразумно, преступно расточительно тратится время после героических лет.

Сказать, что совсем ничего не происходит, нельзя. При Михаиле I русские вышли к Байкалу и даже воевали в т.наз. «Смоленской войне»,¹⁷ затеянной на исходе жизни патриархом Филаретом. И спустя ровно век – уже при Анне I Иоанновне, – тоже воевали, только в Крыму.¹⁸ Воевали достойно, но только в первом случае Москва, а во втором случае Петербург проявили поразительное равнодушие к ими же затеянной войне. Что-то начато и при том – ничего не подготовлено, начатое никак не поддержано и все пущено на самотек. Воеводе Шеину за московскую спячку пришлось заплатить жизнью. Фельдмаршалы Миних и Ласси оказались счастливей: русская армия даже захватила Бахчисарай, хотя и без последствий. Войны как-бы случайны, как бы «между прочим», потому и результатов не имеют. А ведь война, как точно отметил К.Клаузевиц, это «экстралегальная политика», требующая концентрации воли и энергии, наконец – страсти!

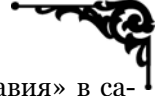
Внешняя политика в «легальных формах», т.е. дипломатия, требует того же. Но в том то и дело, что в период стагнации нет ни воли, ни энергии, ни страсти. Предыдущие героические периоды слишком затратны и после них неизбежен, т.ск. «выдох» и «антракт» – на хотя бы частичное восстановление растроченного нужно время.

Стагнация – состояние неизбежное, естественное и необходимое. Она нужна и для того, чтобы осмыслить произошедшее в предыдущие годы. Прежде всего – в сфере политической иерархии: годы потрясений окончательно смели значительную часть старой элиты, зато вверх поднялось много новых людей, претендующих на статусное положение. Смутное время вынесло на «политический верх» Апраксиных, Салтыковых, Стрешневых и многих иных, которые в эпоху петровских реформ были потеснены Ягужинскими, Меншиковыми, Скавронскими и прочими амбициозными «птенцами гнезда Петрова». Неизбежен конфликт как между новобранцами, так и между новым и старым дворянством. Выражается это в местничестве, в интригах, да-

¹⁷ «Смоленская война» – война Московского царства и Речи Посполитой в 1632-1634 гг., закончившаяся поражением только из-за бездеятельности правительства, погрязшего в интригах. По Деулинскому перемирию, король Владислав IV удерживал Смоленск, но отказывался от претензий на русский престол.

¹⁸ Военные действия велись в 1735-1739 гг. Леонтьев и Ласси прорвались в Крым, взят был Азов; Миних разбил турок при Ставчанах, взял Очаков и Хотин. За четыре года погибло до 100 тысяч солдат и офицеров. Все завершилось ничтожным Белградским миром 1739 г.

Династия Романовых

же в заговорах, – т.е. в период стагнации «ярмарка тщеславия» в самом разгаре. К сожалению, в сфере социальной, точнее, в отношении жизни простых людей, стагнация в полном расцвете, ибо власть занимается только сама собой.

Правда, даже стагнация, – это не мертвое стояние на одном месте и какое-то движение все же наличествует: поскольку обновляющейся элите нужны большие средства для борьбы и самопозиционирования (но нет времени и привычки для творческого приложения ума к источникам дохода), то все ограничивается вульгарным ростом налогов и ужесточением фискальной системы. Следовательно, положение простонародья в период стагнации ухудшается, что не замедлит прорваться – уже в следующем этапе – социальным взрывом (в XVII веке – Соляной бунт, Медный бунт, восстание С.Разина; в XVIII веке – война под началом Е.Пугачева).

Надо заметить, что стагнация весьма эклектична – в ней переплетаются старое и новое, изысканное и вульгарное. И это хорошо видно на примере художественной культуры, которая не только развлекает и «художественно оформляет» быт новой элиты, но и пытается осмыслить происходящее и образно позиционировать сложившуюся систему. Нельзя не видеть, что и во второй четверти XVII века, и во второй четверти XVIII века культура одновременно стилистически новая и, одновременно, апеллирует к традициям. Новая стилистика свидетельствует об адаптации (во всяком случае – стремлении!) к современным реалиям, об устремленности «к новым берегам». Тяготение же к традициям указывает на легитимность системы.

Тема третья – время умеренных реформ, т.е. «реформ из самых благих намерений», которые осуществляются все же «по возможности», а, в конечном счете, «исходя из подлости ситуации». И очень трудно понять, где подлинное желание, а где только его имитация. Короче – **scherzo (pizzicato ostinato)**.

Реформы Петра Великого, как и реформы Александра II, появились не из ничего, не на пустом месте – им предшествовало время рассуждений, разговоров, «благих намерений» и скромных попыток мыслимое претворить в жизнь. В рассуждениях о реформах новая, окончательно сформировавшаяся за годы стагнации элита себя позиционирует и, в то же время, стремится отвоевать у автократии для себя больше пространства в реальной власти. В свою очередь автократия, несущая всю полноту ответственности за происходящее, сознает необходимость обновлений, преследуя две цели – стабильность собственной власти и эффективность сложившейся системы, что, как оказывается, далеко не всегда совпадает. Как следствие, автократия будет лавировать между Сциллой активного электората (дворянство) и Харибдой пассивного электората (простонародье). Ошибка легко может привести либо к заговору элиты, либо к народным восстаниям. В конечном счете, ни того, ни другого избежать не удается. Все же взаимо-

отношения с дворянством для автократии предпочтительнее. Задача автократии – не стать игрушкой в руках сознающей свое значение выкристаллизовавшейся, а потому самоуверенной и амбициозной политической элиты.

В памяти царей XVII века была Смута, когда за короткое время сменилось четыре возможных династии,¹⁹ и лишь пятая смогла – в состоянии всеобщей усталости, желания покоя и стабильности – удержаться. В памяти XVIII века была череда переворотов, совершенных гвардией. Память побуждала к осторожности, умеренности и, в конечном счете, к осознанию того, что «не нужно делать лишнего».²⁰ «Лишнее» реализуется только тогда, когда одновременно совпадает осознание предельности кризиса и появление харизматической, деятельной и отчасти безумной личности, вроде Петра I. К «лишнему» прибегают гениальные невротики-дилетанты, мыслящие страстно, парадоксально и стратегически, а не профессионалы-реалисты, исходящие из того принципа, что «политика есть искусство возможного».

Но стагнация порождает именно реалистов. А реалисты – консервативны. Тактика для них, в конечном счете, важнее стратегии. Именно таковыми были и Алексей I Михайлович, и Екатерина II, и Александр I. И «Прожекты» царя Алексея, и «Наказ» императрицы Екатерины, и «Хартия» благословенного Александра – все они были сделаны с большим замахом и сулили фундаментальные преобразования, однако все окончилось, как в музыке Р.Вагнера: все **forte** завершаются **piano**.

В этом, с одной стороны, виден несомненный политический реализм и желание избежать риска – власть тем больше дорожит сложившимся status quo, чем выше цена была за него заплачена. С другой стороны нельзя не видеть в этом упущенный шанс своевременных преобразований. Ведь совершенно очевидно, что будь у царя Алексея больше решительности и страсти, то не потребовался бы и героизм эпохи его сына, которому пришлось «поднимать Россию на дыбы». Та же ситуация и с Екатериной II или ее царственным внуком – крепостное право могло быть отменено (скорее всего поэтапно) на целый век или хотя бы на полвека раньше. Остается только гадать о возможных последствиях, но почему-то кажется, что позора Крымской войны

¹⁹ В 1598 г. с кончиной Федора I пресеклась династия Рюриковичей; в 1605 г. со смертью Б.Ф.Годунова и убийством его сына Федора пресеклась династия Годуновых; в 1610 г. низложен был В.И.Шуйский – не состоялась династия от Суздальской ветви Рюриковичей. Земский собор, отвергнув уже в 1612 г. королевицу Владиславу, не дал закрепиться на русском престоле польско-шведской династии Васса.

²⁰ «Лишнее» реализуется только тогда, когда одновременно совпадает осознание предельности кризиса и появление харизматической, деятельной и отчасти безумной личности, вроде Петра I, т.е. гениальные невротики-дилетанты, а не профессионалы-реалисты.

и последующего трагического сползания в бездну революций XX века удалось бы избежать. Впрочем, не все так просто: история не осуществляется путем технологических манипуляций (хотя политической элите XXI века это кажется аксиомой), она осуществляется все же под давлением желания или нежелания огромной и внешне пассивной массы народа, чьи потаенные мысли удается уловить и выразить лидерам («историческим личностям»), которые все время должны заботиться о балансе «желаемого» и «возможного». Петр I решился на реформы не только потому, что для России наступил крайний момент перед небытием, но и потому, что до этого созрела (вызревавшая весь XVII век) политическая элита. Екатерина II и Александр I отступились от своих идей, когда встретились с настороженным непониманием современной им элиты и равнодушием остального народонаселения.

Они, конечно, могли «настаивать» на декларированных ими идеях (и «Наказ», и «Хартия», по существу, ни что иное как «протокол о намерениях»), но предпочли не рисковать, а следовать «по течению». Субъективно – с позиции безопасности власти – политика разумная. Объективно – с позиции судьбы страны – политика стратегически безответственная, умножающая риски в исторической перспективе.

Принимая решение, Екатерина II конечно отчетливо понимала уязвимость своей позиции – трон был узурпирован ею несколькими годами ранее, и при всем своем старании императрица так и не смогла до конца избавиться от немецкого акцента. И если к концу царствования она стала неуязвима благодаря многочисленным победам «екатеринских орлов», то в 1760-х годах ни побед, ни самих «орлов» еще не было, зато свежа была память о заговоре Мировича.²¹

Александр I до катастрофы Наполеона в России был в не менее опасном положении. Пример того, чем может закончиться правление того, кто пошел против дворянства, был слишком свежим. Будущий император сам оказался игрушкой в руках заговорщиков и участником трагедии, развернувшейся в 1801 году в Михайловском замке.

Тема четвертая – военная. Темп стремительный и не без ажитации – **allegro con fuoco**. Развевающиеся на ветру победоносные знамена на фоне стремительно возводимых классических портиков и колоннад сопровождают нарастающую звуковую мощь трубной меди, барабанов и флейт бравурных маршей, периодически перемежающихся могучими хорами кантат и ораторий. Античные герои скульптурных и живописных композиций вызывают прямые ассоциации с героями современными, чьи мужественно-благородные лица запечат-

²¹ Мирович Василий Яковлевич, обедневший малороссийский шляхтич, поручик Смоленского полка, в возрасте 24 лет предпринял в 1764 году неудавшуюся попытку дворцового переворота, целью которого было освобождение и коронование находившегося в Шлиссельбургской крепости его одногодка Иоанна Антоновича. Подробно об этом – в книге В.Бильбасова «Иоанн Антонович и Мирович» (М., 1908).

леются во множестве портретов в неизменном обрамлении – согласно совершенным подвигам – знаков отличий. Скромность реформаторской деятельности компенсируется военной политикой. Внешне и в XVII, и в XVIII, и в начале XIX века складывается представление, что Россия воюет вынужденно, но так ли это?

При Алексее Михайловиче Москва оказалась буквально втянута в войну с Речью Посполитой (а, затем, и со Швецией) стремительно развивающимся ходом событий на Украине: только что закончился Земский собор 1648-1649 года, было принято Уложение и намечены пути внутреннего развития страны, которые обещали развернуться в масштабное реформирование устаревшей неповоротливой системы – война оказывалась очень некстати.

При Екатерине II, которая только что провела (вот ведь какие поразительные совпадения!) Уложенную комиссию, где был оглашен и обсужден ее «Наказ», бывший ни чем иным, как «протоколом о намерениях» по реформированию страны, империя оказалась втянута в войну с Турцией, а затем и с Польшей в результате интриг европейских стран (прежде всего Франции), не утративших надежды дезавуировать то положение России, которое она обрела со времен Петра Великого.

Аналогичную ситуацию мы видим и при Александре I, где политика Негласного комитета (состоявшего почти полностью из англофилов) приняла доктрину внешнеполитического изоляционизма, намереваясь реформировать империю в духе европейского либерализма. Ощутимых результатов удалось добиться в образовательной сфере и в переводе коллегий в министерства. В остальном реформаторы не смогли существенно продвинуться вперед из-за ожесточенного сопротивления дворянства в решении крестьянского вопроса, т.е. отмены крепостного права, а без этого невозможными были ни судебная, ни экономическая, ни финансовая реформы. Тупиковая ситуация благополучно разрешилась крахом Амьенского мира и началом новой войны в Европе,²² где для англичан и австрийцев потребовались русские солдаты – война оказалась спасением для Александра I и его друзей по Негласному комитету.

Точно так же, как война оказалась спасением и для Екатерины II, «Наказ» был встречен холодным непониманием, и перед императрицей (пережившей впоследствии десятки заговоров, которые, правда, удавалось ликвидировать) возникла неловкая и политически опасная пауза – необходима была концепция царствования, что встретила бы единодушное одобрение сословий. Екатерина II была достаточно про-

²² Война 1805-1807 гг., отмеченная неудачами русской армии при Аустерлице, Прейсиш-Эйлау, Фридлянде, завершившаяся Тильзитским договором. После этого 7 ноября 1807 г. англичане, оскорбленные «вероломством» России (ведь в войну были вложены английские деньги и война велась с тем расчетом, чтобы не допустить континентальной блокады, направленной против Англии) объявили войну России, которая длилась вплоть до 1812 года.

Династия Романовых

ницательна, чтобы, осознав опасность каких-либо «движений» во внутренней политике, перейти к акцентированию внешнеполитических вопросов, а именно – проблемы Крыма и безопасности южных границ, а также проблемы православных территорий к западу от русской границы. Своей интригой европейские политики словно бы шли навстречу пожеланиям Екатерины II и позволили ей легко изменить свою политику.²³ Собственно, и работа созданной в 1767 г. Уложенной комиссии была свернута через год именно под предлогом войны с Турцией.

Аналогичной была и ситуация у Алексея Михайловича – династия Романовых была сравнительно молодой (менее сорока лет!) и ее актив был крайне невелик (нельзя же в актив вписывать единственную войну, – «Смоленскую» – которая, к тому же, была проиграна!) и, соответственно, было небезопасно проводить внутренние реформы, которые затрагивали все слои населения и могли (должны!) оказаться весьма болезненными. Война²⁴ позволяла Алексею Михайловичу отказаться от опасной затеи реформирования страны и обратиться к делу, которое не могло не быть одобрено буквально всеми: во-первых, возвращение некогда отторгнутых литовцами и поляками «исконных русских земель» (т.е. населенных православными и когда-то входившими в Киевскую Русь), а во-вторых, взятие военного реванша у давнего и главного исторического врага в лице Речи Посполитой. В этом не только отмщение за Смутное время и сожженную Москву, но и исторически предопределенное доктриной «Третьего Рима» противостояние Православного мира и католической Европы. И еще – именно победоносная война могла дать династии Романовых необходимый легитимизм, ту мощную основу, опираясь на которую можно было рискнуть и на внутренние преобразования. И для Екатерины II победы стали лучшим основанием незыблемости ее изначально весьма сомнительной в правовом отношении власти. Стоит ли говорить, как важны были военные победы для Александра I, над которым висело обвинение в отцеубийстве.

²³ Первая русско-турецкая война 1768-1774 гг. Почему «первая»? За время династии Романовых уже четвертая – не считая перманентной войны с крымскими татарами, она открыла счет военным триумфам «екатерининских орлов». Хотин, Ларга, Рябая могила, Кагул, Чесма, Козлуджи, – и фактическое присоединение Крыма стали несокрушимым основанием власти Екатерины II. Фундамент этот будет упрочаться во все продолжение 34 лет ее «блистательного царствования». Последним трофеем станет Речь Посполитая, положенная к ногам императрицы военным гением А.Суворова (1794 г.).

²⁴ Война России и Речи Посполитой, которую обычно принято делить на: 1) Первая русско-польская война 1654-1656 гг., 2) Вторая русско-польская война 1658-1667, завершившаяся Андрусовским перемирием и возвращением левобережной Украины, Киева и Смоленска. Перемирие будет пролонгировано т.наз. «Вечным миром» 1686 г., благодаря которому Россия начнет первую войну с Турцией (1687-1700 гг.).

Война – сильнодействующее средство. Она консолидирует общество, отвлекая его от комплекса внутренних проблем. Победоносная война – лучший фундамент всякой политической системы (на победе 1945 года Советский Союз держался почти полвека!). Но что, если война окажется проигранной? И ведь само поражение может иметь разное качество. Здесь очень многое зависит от внутреннего состояния системы. Обычно Российскую империю (а в нее правильно было бы включать и Московское царство с 1505 года; все это в совокупности историками деликатно именуется «самодержавием») разделяется на два этапа: на «начальный период» (XVI-XVII века) и на собственно «абсолютистский период» (XVIII – начало XX века). Иначе говоря – на «Московское царство» и на «Петербургскую империю». Правда, А.Зимин, Н.Павленко и С.Юшков внесли коррективу, считая, что генезис абсолютизма пришелся уже примерно на середину XVII века. В свою очередь Б.Кофенгаузен отодвигает по времени этот генезис к середине XVIII века (т.е. выводя, скажем, время Петра I из понятия «абсолютизма»). Но возможен и иной вариант периодизации.

1. Начальный период: с 1503 по 1598 год. Православное царство; после оглашения доктрины «Третьего Рима» – условное, скорее мыслимое. И никакого царства, никакой автократии пока нет – государь пользуется своими правами совместно с Боярской думой и старой родовой титулованной знатью. Страна на энергетическом подъеме, готова к мощному расширению и самоутверждению в мире, но архаическая система управления, доставшаяся от времен удельных княжеств, сковывает ее силы. Неудовлетворенность этой формой и путь ее реформирования изложен на Первом Земском соборе в т.наз. «Проекте Пересветова», за которым видится фигура самого Ивана Грозного. «Проект Пересветова» – программа избавления от аристократии, программа реализации именно самодержавия, опирающегося на дворянство (т.е. на служилое сословие) и, следовательно, на военную силу (дворянин – он же «воинник»: империя же всегда и неизменно предполагает в основе своей военную организацию). Задача была поставлена верно, а вот ее решение оказалось чудовищным. Цель опричнины – утверждение полноты самодержавия, только ценой этого утверждения стало тотальное разорение страны и формирование негативного мышления в народе. Разорение и ослабление страны, бывшей до того на подъеме, хорошо просматривается на примере четверть века длившейся Ливонской войне: первые победы сменяются чередой поражений и только необходимость поляков и шведов решать иные, более для них существенные задачи позволила окончить войну, избежав военной катастрофы.

2. Переходный период или «интермеццо Смутного времени»: с 1598 по 1619 год (царствование Бориса Годунова и Василия Шуйского, время самозванцев и Смуты) Опричнина спровоцировала Смутное время. Не так, как задумывалось Иваном Грозным, но задача форми-

рования основ самодержавия была решена: древние аристократические роды были сметены грозными годами Смуты и во власть пришли новые люди. То, что страна вошла в фазу расцвета, как раз Смутное время и обнаруживает – в иное другое время такой удар для государства скорее всего оказался бы смертельным или, в лучшем случае, обозначил бы его место среди вечных аутсайдеров, обреченных на прозябание в тени «больших игроков». Однако и «Царство террора» (время Ивана Грозного), и Смута сильно задержали развитие страны: если на начало XV века Россия шла параллельно, без отставания, с европейскими странами, то теперь она оказалась отброшена, как минимум, на полвека назад. Необходим был рывок для наверстывания отрыва, но сил на это не было.

3. Период стагнации (о чем выше уже говорилось): 1619-1649 годы (царствование Михаила Федоровича и самое начало царствования Алексея Михайловича). Время «антракта» и набирания сил. Вместе с тем – время углубления отставания от западноевропейских стран: это та самая «сонная Москва», что живет словно бы вне остального мира, в самоизоляции. При всем том – поскольку фаза подъема сохраняется, лишь перейдя в латентную форму – система весьма устойчива и ее лучше всерьез не тревожить. Воевать она по большому счету не хочет и за оружие возьмется не раньше, чем враг выйдет к стенам Москвы. Но тогда и стагнация кончится, причем – взрывом огромной силы. Эти силы, дремлющие в стагнации, периодически будут, как гейзеры, прорываться бунтами. Но, главное, за этот период «московской спячки» происходит привыкание к автократии, которая и будет законодательно в конечном счете закреплена Соборным уложением 1649 года.

4. Период «чернового варианта самодержавия»: 1649-1689 годы (царствование Алексея I Михайловича, Федора II Алексеевича и время регентства Софьи Алексеевны) В это время проигрываются основные темы на будущее, а именно: вестернизация, определение геополитических задач и решение церковной проблемы. От спячки пробуждается страна медленно, как бы нехотя. Темп постепенно нарастает и страна будто бы невольно (но и вполне органично) втягивается в пространство европейской политики. Россия в этот период очень напоминает вышедшего на борцовский ковер человека огромной силы при почти полном отсутствии борцовской техники – исключительные габариты и качества позволяют ему все же либо заломать противника, либо отделаться только синяками и ссадинами при полном сохранении потенциала. Победа или поражение – они в равной степени мобилизуют ресурсы и равно пробуждают вкус к внешнеполитическим триумфам, что является ярким проявлением энергетического избытка. Неудачи могут оказаться роковыми по последствиям только для отдельных представителей властной элиты (неудача в Крымских походах предопределила крах царевны Софьи, тем более что срок ее регентства подходил к концу), но не для системы.

Кончина Федора II дала старт схватке семей, эпицентром которой стал спровоцированный Стрелецкий бунт 1682 года. В результате была установлена «тринитарная конструкция»: царствование формально выполняющих обязанности (т.е. царствующих, но не правящих) Ивана V и Петра I под регентством правящей (но пока не царствующей) Софьи Алексеевны. Фактически же произошел государственный переворот, ибо наличие сразу двух царей (уже не монархов!) подчеркивало их вторичность. Власть же подлинная оказалась в руках их сестры, которая право на власть не имела, но опиралась на стрельцов (Вот оно – военное основание империи!).

5. Период расцвета Петербургской военной империи. Всякое название несет в себе условность, поэтому начало периода начинается за четырнадцать лет до основания собственно Петербурга: 1689-1815 годы.²⁵ Империя, находясь в зените, не воевать не может по определению.

В древнеримской философско-правовой традиции понятие «империя» и «цивилизация» почти тождественны – все, что находится за пределами «империи» уже не относится к «цивилизации», является варварским миром. «Империя» есть военно-политическая организация «цивилизации», которая и есть Рим (без различия, республика, принципат или доминат). Задача «империи» (ее оправдание, ее легитимность) не только в защите «цивилизации», но и в постоянном расширении границ «цивилизации» в мире варваров до полного их поглощения. Россия по принятии доктрины «Третьего Рима» обрекала себя на тяжкую ношу быть смыслообразующей основой мира – как раньше таковыми был Рим, а потом Византия. Отличием России от Рима (и тождеством с Византией) была духовная основа государства и общества – Православие. В остальном же конструкция и последующая драматургия аналогичны: «империя» (Россия) противопоставляет себя «нецивилизации, варварскому миру» (католический, протестантский и исламский мир) и неизбежно оказывается с ними в конфронтации. Собственно, факт конфронтации декларируется в философии го-

²⁵ В течение указанного периода Россия вела только следующие крупные войны: 1. Русско-турецкая война (т.наз. Азовские походы) (1687-1700 гг.), 2. Северная война (1700-1721 гг.), 3. Русско-турецкая война (т.наз. Прусский поход) (1711 г.). 4. Русско-персидская война (1722-1723 гг.), 5. Участие России в войне за польский престол (1733-1735 гг.), 6. Русско-турецкая война (1735-1739 гг.), 7. Русско-шведская война (1741-1743 гг.), 8. Семилетняя война (1756-1762 гг.), 9. Первая русско-турецкая война (1768-1774 гг.), 10. Участие в войне за польский престол, с т.наз. Барской конфедерацией (1768-1772 гг.), 11. Вторая Русско-турецкая война (1787-1791 гг.), 12. Русско-шведская война (1788-1790 гг.), 13. Польская война (1792-1794 гг.), 14. Война с Францией (1798-1799 гг.), 15. Вторая война с Францией (1805-1807 гг.), 16. Русско-шведская война (1808-1809 гг.), 17. Русско-турецкая война (1806-1812 гг.), 18. Русско-английская война (1807-1812 гг.), 19. Отечественная война 1812 года и зарубежные походы (1812-1814 гг.) См. подробнее: Керсновский А. История русской армии. Т. 1 (От Нарвы до Парижа, 1700-1814 гг.). М., 1992.

сударства, которое позиционирует себя, как «империя». И ведь основная историческая задача России, как «Третьего Рима», понимается, как мессианская, а именно – расширение Православного царства до пределов земли.

Проблема в том, что война – фактор роковой, т.е. неизбежный и, одновременно, самоубийственный. Как писал сэр Арнольд Тойнби, «истина... состоит в том, что меч, однажды отведав крови, не может долго оставаться в ножнах, подобно тому, как тигр, попробовавший человеческой плоти, не может остановиться. Но тигр-людоед, без сомнения, обречен на гибель... Именно так обстоит дело и с тем обществом, которое однажды прибегло к помощи меча. Его вожди могут раскаиваться, подобно Цезарю, они могут проявлять милосердие к врагам; могут распускать армии, как Август; они могут даже смиренно спрятать свои мечи и заверить всех, что никогда более их не достанут... клянясь впредь употреблять свою силу разве что против преступников внутри универсального государства и против непокорных варваров... Время рано или поздно все равно сведет на нет их труды. Время... работает против тех, кто возвел свою империю при помощи насилия».²⁶

«Империум» – высшая власть, выражаемая в триумфе, которым завершается победоносная война. Соответственно, получить статус императора (в изначальном, идущем от Римской республики, понимании) можно только став полководцем и стяжав победные лавры на поле брани. Основа власти императора – его победы и верная ему армия²⁷. Именно армия является местом формирования новых кадров, которыми далее император распорядится, назначая на военные и гражданские должности.

Возможно, далеко не все в XVIII веке могли объясниться относительно философии империи, но отлично понимали значение военного статуса не только в карьерном продвижении, но и в самосознании. Петр Великий как никто понимал военный характер власти и видел в армии и флоте идеальную «кузницу кадров» для империи. Но его наследники, не обладая магической харизмой и волей первого императора, благоразумно, как им казалось, «забыли» о жестоком от-

²⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. М., 1991. С. 452.

²⁷ Военное происхождение императорской власти сохранялось и в Византии. В частности, первым действием обряда провозглашения нового императора было возложение на него золотой шейной цепи кампидуктора легиона ланцинариев (копьеносцев гвардии), после чего избранника поднимали на щите над головами воинов и процессия направлялась к храму. Возложенная цепь: а) символически указывала на то, что император прежде всего – главный полководец, б) символически «сковывала» императора с армией. Для сведения: кампидуктор – (дословно) «военный инструктор» пехотной тагмы, т.е. основной стратегической единицы византийской армии, возглавляемой domestиками, которые очень часто были «политическими руководителями», в то время как кампидукторы непосредственно отвечали за военное дело.

севе через тяготы и риски военного служения: «забывание» было результатом политических конъюнктур Романовых и дворянства, венцом растления которого стал мартовский (1762 года) «Манифест о вольности дворянской»²⁸. Примечательно, что этот закон, освободивший дворян от необходимости даже двадцатипятилетней службы, принятый Петром III ради сохранения собственной власти (что, как известно, не спасло «скоропостижного императора») был свергнувшей его женой Екатериной II подтвержден спустя двадцать три года (21 апреля 1785 года) «Жалованной грамотой дворянству».

Утрачен был смысл дальнейшего существования дворянства, переставшего быть «служилым сословием»,²⁹ значительная часть ко-

²⁸ Примечательно, что борьба дворянства за «свободы» шла в течение всего XVIII века, но, конечно, не при Петре I. Петр I считал, что от военной службы дворянина может избавить только природное увечье или слабоумие; также он полагал возможным перевести дворянина на гражданскую службу вследствие преклонного возраста (т.е. когда служить в армии станет физически невозможно), либо жестокого ранения (скажем потери руки или ноги). Полностью от службы дворянина освобождает только смерть. Но уже при Анне Иоанновне срок дворянской службы был сокращен до 25 лет (Манифест 31 декабря 1736 года). Тогда же возникла практика записывать дворян «в службу» при гвардейском полку с малолетства, для скорейшего выхода в отставку. Разгромив «верховников» (заговор 1730 года с целью ограничения самодержавия; в то же году Анна Иоанновна упразднила надзорный Верховный совет), императрица, понимая свою зависимость от дворянства и гвардии, т.о. стремилась заручиться их поддержкой. Петр III в 1762 г. и Екатерина II в 1785 г. действовали, исходя из аналогичных причин.

²⁹ Изначально дворянин – «дворовой человек», «человек с княжеского двора»; как сословие служилых людей, получающих за службу в соответствии с степенью ответственности службы и статуса земельное пожалование (поместье, т.е. «поместная (по месту) дача») Начало формироваться в XII веке в Владимиро-Суздальском княжестве при Андрее I Боголюбском и Всеволоде II Большое Гнездо. Впрочем, начало истории дворянства может быть отнесен и к более ранним временам – к распаду классических дружинных отношений уже к исходу X в. и появлении «бояр мудрствующих» (вотчинников) и служилых «мужей хоробствующих» из т.наз. Малой дружины. Уложение Ивана Грозного (1555 г.) уравнило дворян с аристократией в части права наследования, т.е. дворянство получало право на вотчинное («в отечество дача») владение. Соборное уложение 1649 г. данное положение закрепляло, но не освобождало дворян от службы. В 1701 г. Петр I указал, что «все служилые люди с земель службу служат, а даром (т.е. без службы) земель никто не владеет». В 1722 г. в приложении к вводимому Табелю о рангах (мощный институт социального лифта и обновления элиты) Петр I писал: «Мы для того никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и Отечеству никаких услуг не покажут». Екатерина II, декларативно позиционировавшая себя наследницей Петра I, манифестом 1785 г. полностью дезавуировала социальную политику Петра I. И уже А.С.Пушкин писал: «Что такое дворянин? Потомственное сословие народа высшее, т.е. награжденное большим преимуществом касательно собственно-

того быстро оказалась либертированной и встала во фронду как монархии, так и вообще России. Уже Екатерина II столкнулась с первыми проявлениями дворянского идейного блуда – растление происходило стремительно, ибо обретение «вольностей дворянских» совпало с торжеством атеистической «эпохи Просвещения», за изысканной вязью соблазна которого скрывалась цель разрушения сакральности мира и традиционного общества. Монархия в России в полной мере осознала смертельную опасность, идущую от дворянства, переставшего быть основным электоратом власти, после двух акций – убийства Павла I в 1801 году и декабрьского мятежа 1825 года. Выросло и вошло в силу трансформировавшееся на «вольностях» дворянство, не желавшее видеть себя «служилым», а стремившееся к агрессивному самопозиционированию. Николаю I тогда пришлось искать замену дворянству в тотальной бюрократизации страны. Но это все – за гранью расцвета Петербургской военной империи, хотя ядовитые семена и были брошены в русскую почву в середине героического периода.

Время от Петра I до Александра I поистине удивительно по количеству военных побед и стабильности успехов. Военная мощь России в тот момент несокрушима без каких либо преувеличений. Правда, надо иметь в виду, что война – очень дорогое и затратное «удовольствие»³⁰. Ресурсы и энергия отнюдь не бесконечны. Фаза расцвета России могла – по объему заложенного потенциала – растянуться вплоть до начала XX века, однако слишком много (и не всегда эффективно) было растрчено за XVIII век. Во-первых – армия и флот концентрируют в себе лучших людей, оставляя оголенными сферы социально-экономической деятельности, а ведь это материальный фундамент государства. Во-вторых – в войнах погибают лучшие, т.е. в XVIII веке был израсходован самый дорогой ресурс страны. Победа над наполеоновской Европой в начале XIX века уже далась путем сверхнапряжения и сверхзатрат. Дальше – когда все очевиднее будет обнаруживаться дефицит в «государевых людях», когда их качество все очевиднее начнет снижаться, когда вместо личностей цельных и идейно-позитивных все больше будет появляться личностей сложных, идейно-амбивалентных, когда позитивное мировоззрение будет все активнее замещаться мировоззрением нигилистическим, негативным, – начнется период инерции. Отечественная война 1812 года и заграничные походы, закончившиеся триумфальным вступлением в Париж 19 мар-

сти(!) и частной свободы(!)». И ни слова о службе: из «служилого» дворянство превратилось в «праздное сословие».

³⁰ Накануне 1805 года Россия впервые вынуждена была взять кредиты у английских банков для ведения войны с наполеоновской Францией. В последующие годы долг только увеличивался. Российская империя станет одним из крупнейших должников, что не могло не сказаться на свободе ее внешней политики. Одна из причин вступления России в Первую Мировую войну была связана именно с огромной задолженностью монархии.

та 1814 года были завершением не только периода расцвета Петербургской военной империи, но и фазы расцвета (акматической фазы) России, – государства и нации.

То, что инерция начинается именно с первой четверти XIX века, можно видеть хотя бы из того, что вся предыдущая история династии Романовых основывается на т.наз. эксцессе. В самом факте эксцесса проявляется избыточность энергии, страсти, подсознательная тяга к драматургии «чрезвычайностей». За два века фазы расцвета только один раз смена власти (и это при наличии династии!) проходила формально.

б. Кризис самодержавия. Он вызрел в период последнего десятилетия царствования Александра I – от подписания Венского трактата 1815 года (вот он – зенит Российской империи, после которого должно начаться скольжение вниз!) до неожиданной смерти императора в Таганроге (1825 год).

Мятеж 14 декабря 1825 года словно бы выбил из под автократии основание. Собственно, так оно и было, только все же произошло это не вдруг – империя сама, в процессе политического маневрирования, превратив «служилое сословие» дворян в «праздное сословие» оказалась, в конечном счете, в «подвешенном состоянии. Декабристы сами спровоцировали т.наз. «мрачное семилетие». Николай I был склонен к преобразованиям, но слишком рационален: на место Хлестаковых он приводит «сорок тысяч курьеров», т.е. вместо империи дворянской спешно формируется империя бюрократическая. А русский чиновник, как верно заметил В.О.Ключевский, «работает либо из великого страха, либо из великого патриотизма»³¹. Но «великий патриотизм» остался во времена героических. Остается страх: средство сильное, но отнюдь не долговременное. А главное – страх умертвляет творческую основу и система быстро костенеет, сохраняя форму с выхолощенным содержанием. Именно это и станет той проблемой, которую империя не сможет в течение оставшегося ей века преодолеть. Поистине, «все империи побеждаются не извне, но в борьбе с собой, умертвляемые изнутри»³².

Николай I, кстати, в известной мере повторяет судьбу Алексея Михайловича – повторяет в том, что все понимая и даже зная, что нужно делать, никак не может этим самым важным заняться, все время отвлекаемый сторонними причинами. Сначала это было восстание в Царстве Польском (1830 год), затем полоса революций в Западной Европе (а ведь Россия – лидер «Священного союза», как раз предназначенного для борьбы с угрозами в отношении легитимных режимов, установленных Венским трактатом 1815 года. Не вмешиваться Россия не

³¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. Письма. М., 1979. С. 282.

³² Тойнби А.Дж. Цивилизация. М., 1997. С. 347.

Династия Романовых

могла. Вмешиваясь, заработала недобрую и устойчивую славу «жандарма Европы», т.е. «имидж России» резко упал с времени победы над Наполеоном в глазах европейских обывателей, которые теперь готовы были с готовностью верить в любые мерзости, творимые русскими³³).

При внешней монументальности Николай I слишком лихорадочно реагировал на внешние раздражители, так и не найдя за тридцать лет царствования времени для главного – для реформирования страны. Внутри страны все откладывалось до подходящего момента, хотя сам этот «подходящий момент» был уже в прошлом – остались «моменты» только с крайне болезненным решением, и чем далее, тем болезненнее.

Обратим внимание – империя утратила инициативу что во внешней, что во внутренней сфере. Рефлексия же – наиболее очевидное проявление инерции. Было бы ошибочным полагать, будто из этого состояния Россия вышла после Крымской войны. И сама война, и последующая политика Александра II с лихорадочными реформами, свидетельствуют о неспособности системы реагировать адекватно, концентрировать силы в главном направлении. Более того – империя утратила способность как определять то главное направление, так и способность хотя бы оперативно реагировать на опасность. Не столь система была плоха, но сколь качественно изменились люди. В свое время князь О.фон Бисмарк очень точно заметил: «Между идеальной системой с плохими исполнителями и плохой системой с хорошими исполнителями предпочтение следует отдать последней, поскольку в конечном счете качество людей обладает решающим значением».³⁴

Крымская война, эта «черная метка» для России и правящей династии, – лучшее подтверждение слов германского канцлера: русская армия, сокрушившая за сорок лет до того (меньше, чем жизнь одного поколения) Великую армию самого Наполеона, прогнав его от Москвы до Парижа, оказалась беспомощна перед скромными силами во главе с полумертвыми дилетантами Рагланом и Сент-Арно³⁵.

³³ В период очередного восстания в Польше (1861 г.) английские газеты, провоцируя Луи-Наполеона III на неосторожные заявления против России в защиту угнетенных поляков с тем, чтобы развалить опасный для Великобритании «джентльменский сговор в Эрфурте» (фактически же – русско- французский союз) публиковали репортажи «очевидцев» о каннибализме русских казаков и чудовищных зверствах, творимых русскими «головорезами» над мирным польским населением. Английские журналисты фактически описывали то, что в это же самое время творили колониальные войска при подавлении восстания сипаев в Индии. В отношении России ложь была вопиющая. Но общество (и не только английское) в эту ложь поверило. Французский император сделал желаемое Лондоном заявление, союз Франции и России распался.

³⁴ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3-х тт. Т. 2. М., 1940. С. 127.

³⁵ Фицрой Джеймс Генри Сомерсет, барон Раглан (1788-1855), фельдмаршал (1855). Выпускник Вестминстерской школы, участник с 1804 г. войны с Наполеоном (в основном на Пиренейском п-ове), был адъютантом и секретарем

Героическая эпоха вспыхнула последним созидательным светом в эпоху романтизма и «Золотого века» русской культуры, не столько констатируя настоящее, сколько вспоминая прошлое и фантазируя о прекрасном будущем. Но уже М.Ю.Лермонтов не скрыл горького разочарования в современнике и скептицизма относительно грядущего поколения, будущее которого «и пусто, и темно». И Н. В. Гоголь, вслед за А.С.Пушкиным ужасаясь «маленькому человеку» (а пришел именно их век!), живописал «свиные рыла» «мертвых душ», коими заполнялась Россия. Современник отверг эпический пафос М.И.Глинки, ибо целостность людей героических эпох созидания великой державы безжалостно обнажала духовную пустоту и нигилистическую ожесточенность вышедших на историческую арену поколений разночинцев, нетерпеливых и нетерпимых, всем недовольных, все презирающих и призывающих к разрушению не ими созданного (но их же взрастившего!) во имя неких абстрактных идеалов. Разночинцам в России сочувствовали и даже уважали, видя в них не иначе, как «светлых личностей», хотя в сущности они являлись более чем деклассированными люмпенами.

Поразительно, как все, инициируемое Александром I, – будь то создание образовательной системы во главе с новыми университетами или Венский трактат с лидерством России в «Священном союзе» – оборачивалось для России несчастьем. Ведь разночинство и выкристаллизовавшаяся в ней русская интеллигенция были порождением единственной удавшейся в Александровскую эпоху образовательной реформы. Именно те самые «светлые личности», которым сочувствовала толпа обывателей (и тем самым их поощряла), породили политический террор: Россию прошлого и настоящего они ненавидели и национальной чертой в них был лишь русский максимализм и совершенная неспособность к компромиссу.³⁶

рем (в течение 25 лет) герцога А.Веллингтона. Потерял руку при Ватерлоо (1815 г.) Занимался штабной и организационной работой, периодически – дипломатией. Был главнокомандующим британской армии под Севастополем (1854-1855 гг.), умер там же от холеры.

Арман Жак Ашиль Леруа де Сент-Арно (1796-1854 гг.). Был телохранителем Людовика XVIII, актером, путешественником, подвизался в борьбе греков за независимость. С 1827 г. в армии, в колониальных войсках. Дезертировал, но спасся благодаря очередной революции, выдавая себя за «жертву режима». В составе Иностранного легиона был карателем в Алжире. Служил зуавом. Потом – в полиции. Участвовал в приходе к власти Луи-Наполеона III, назначен им военным министром (1851 г.), произведен в маршалы Франции (1852 г.). Командовал французской армией под Севастополем, умер на пути из Крыма в Стамбул.

³⁶ Сколь красноречивы откровения М.Бакунина в «Государственности и анархии»: «Мы ненавидим эту поганую российскую империю... Русские социалистические революционеры стремятся прежде всего к совершенному разрушению нашего государства». Признавая, что Россия в XIX веке в отличие

Беспомощность обывателя перед «светлой личностью» быть может излишне мягко, деликатно, но точно отобразил И.С.Тургенев. Правда, увидеть подлинное пугающее безобразие «светлых личностей» и их истинные намерения любителю буживальского уединения было не дано – это сделал его оппонент Ф.М.Достоевский в «Бесах». ³⁷ Сам прошедший через «тайные общества» и каторгу, он показал трансформацию нового человека от Фомы Опискина к Петру Верховенскому, т.е. от тиранствующего в празднословии либерала до фанатика террора, который и станет, в конечном счете, могильщиком империи. И он же определил ту «болезнь», которым больно общество, и благодаря которой возможна подобная метаморфоза – «смердяковщина». Но как сам Ф.М.Достоевский заметил, «не было бы Иванов Ильичей, не было бы и Фома Фомичей». ³⁸

Словоблудное тиранство Фомы Опискина возможно только благодаря благодушию и недалекости милого помещика Ивана Ростанева. Этим «милым помещиком» и оказалось русское государство при Александре II. А «либеральная империя», это – инверсия. Власть металась между стремлением к либеральным реформам и сохранением порядка в условиях не просто «умственного шатания», а стремительного наступления секуляризма в мировоззрении, приобретавшего самые жесткие, непримиримо-вульгарные формы. Власть пыталась, впадая от одной крайности к другой, сделать невозможное и демонстрировала свою слабость.

Реформы не ставились власти в актив. Зато в пассив ставилась незавершенность реформ. Хотя – что значит «завершенность реформ» и на каком этапе общество негативного мировоззрения оказалось бы довольно? Не иначе, как на этапе самоупразднения монархии. «За по-

от европейских государств ни разу не была инициатором войны, М.Бакунин тут же без всякой логики продолжает: «Русская империя... не может хотеть другого влияния на Европу, кроме самого зловредного». (Бакунин М. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 16).

³⁷ «Бесы» написаны под впечатлением от реального события – убийства студента И.Иванова в Киеве революционно-террористической группой Г.Нечаева, которым впоследствии восхищался В.Ленин. Нечаев был автором «Катехизиса революционера», читая который нельзя не увидеть, что именно «нечаевщина» (т.е. бесы) и пришла к власти после 1917 г.

³⁸ А ведь Фоме Опискину («Село Степанчиково и его обитатели») Ф.М.Достоевский дал в уста прямые слова из сочинений Н.Добролюбова и В.Белинского, к которым никакого привычного нам литературоведческого пиетета не испытывал. «Русский либерализм, – писал Ф.М.Достоевский, – не есть нападение на существующий порядок вещей, а есть нападение на самую сущность вещей, на самую Россию... Каждый несчастный случай и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть ли не восторг. Они ненавидят народные обычаи, русскую историю... Они ненавидят все русское, ненавидят Россию...». Это, собственно, и есть смердяковщина, в основе которой – ненависть к «отеческим гробам».

следние сорок лет правительство много брало у народа и дало ему очень мало, – писал министр просвещения при Александре II А.В. Головин, – Это неправильно. А так как каждая несправедливость всегда наказывается, то я уверен (!) что наказание это не заставит себя ждать». Т.о. власть, извиняясь, еще и сама же оправдывала проявляемый в ее адрес экстремизм именно тогда, когда в стране нарастал террор, и император (тот самый, что «дал свободу крестьянам», ввел суд присяжных и освободил от турецкого ига православные народы на Балканах – все то, о чем мечтали прогрессисты!), словно заяц на облаве, петляя убежал от выстрелов очередной «светлой личности» не где-нибудь, а на Дворцовой площади!³⁹

Когда все же император будет убит – опять-таки в центре столицы, между своими резиденциями – русское общество (и прежде всего русская интеллигенция, столь укорененная в гуманизме!) не нашла даже малых слов сочувствия царю-реформатору. Общество, правда, испугалось за себя, но так и не собралось для здоровой консолидации. На арену вступал человек эпохи модерна, «чеховский человек» – тоскующий и безвольный, не способный к поступку, глубоко равнодушный и конформистский.

7. Собственно, утверждение «чеховского человека» и мировоззрения «Серебряного века» означает агонию империи. Россия перестала быть таковой в ее, т.ск. «римском понимании», – военном. Армия комплектовалась на основании всеобщей повинности и перестала быть профессиональным субэтносом. Офицерский корпус перестал быть монолитной «кастой избранных», ибо формирование его было пестро, а люди были развращены эпохой; в конце концов, офицеры в армии тоже были «чеховскими персонажами». Буквально накануне Первой Мировой войны Российский Главный штаб констатировал нецелесообразность дальнейшего расширения территории, поскольку «объемы империи оптимальны».

³⁹ Одно покушение (25 мая 1867 г.) было совершено на Александра II в Париже; когда он ехал в открытом ландо вместе с Луи-Наполеоном III у Булонского леса в русском императора стрелял поляк Березовский, желая отомстить за подавление восстания в Польше. Другое покушение (19 ноября 1879 г.) – взрыв служебного поезда на железной дороге из Харькова в Крым, на Рогожско-Симоновой заставе. Четыре остальных были в центре города: 1) 4 апреля 1866 г. Д.Каракозов стрелял у Летнего сада, при выходе на Неву, 2) 2 апреля 1879 г. школьный учитель А.Соколов пять раз выстрелил в императора на Дворцовой площади, 3) 5 апреля 1880 г. С.Халтурин взорвал императорскую столовую прямо в Зимнем дворце во время парадного обеда в честь принца Гессенского (погибло 80 человек), 4) 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале, у садовой решетки Михайловского дворца, было совершено сразу два покушения: А.Гриневицким и С.Рысаковым. Взрыв бомбы поляком Гриневицким оказался роковым – Александр II был смертельно ранен и спустя несколько часов скончался в Зимнем дворце. А ведь до Александра II русские монархи свободно гуляли по Петербургу в сопровождении лишь одного адъютанта.

Династия Романовых

Россия перестала быть империей и в ее, т.ск. «византийском понимании», т.е. – духовном, поскольку торжествующий материализм и секуляризм разрушил православные основы русского единства. Напомним: Россия есть империя не в силу значительности занимаемой ею территории, а в силу той мессианской универсальной идеи, которая лежит в основе русской государственности – идеи Православного царства. Империя обречена на расширение, поскольку ее заботой является весь мир – весь мир есть Божье творение и весь мир нуждается в Свете Истины, который и несет ко всем народам (хотя они того или нет) Православная империя. (Рим ведь не спрашивал, хотят ли варварские племена вхождения в **Pax Romana**, а исходя из преимуществ своей цивилизации – и, соответственно, из благих намерений, – романизировали варваров).

Что же тогда Россия за образование? Если она не империя, то тогда в чем ее идея и идеология, какое ее место в цивилизации и почему она имеет претендующего на сакральное происхождение власти монарха? Общество устало от политического напряжения и метаний XIX века, устало от активного фрондирования, и, вообще, устало от какой-либо активности. Общество окунулось в мир иллюзий, необременительных намеков и символов, в мир искусственных превращений и легкого оккультизма, в мир художественных фантомов, свободных от каких-либо серьезных идей и обязательств. Общество ушло в эстетику, презрительно отвернувшись от политики. И стало легкой добычей для фанатичных наследников Петра Верховенского.

Но была и третья часть общества, привычно именуемая «деловыми людьми»: те, кто после манифеста 17 октября 1905 года разделился на конституционных демократов и октябристов, на сторонников действий радикальных и умеренных, на центристов и националистов. К сожалению, растление коснулось их в не меньшей степени, чем все прочие слои общества – самопозиционирование было для них важнее общего дела (т.е. России). Болезненный максимализм убивал всякую разумную инициативу и любую попытку к компромиссу. Монархия, декларируя манифестом пусть скромный, но конституционализм, не без оснований опасалась передать часть власти той группе воинствующих дилетантов, которая упивалась своей значительностью, своим демонстративным поведением способствуя к дальнейшему разрушению политических и нравственных основ в стране. Позиция оправданная, но только в том случае, если монархия могла выдвинуть самостоятельные, привлекательные своей масштабностью, социальной значимостью и способностью консолидировать разрозненные группы идеи. Однако стать генератором идей монархия даже не попыталась. Как не могла она стать и координатором между партиями и общественными движениями – на роль арбитра не имелось ни воли, ни харизмы.

Под стать обществу был и последний российский монарх. Замкнувшийся в частной жизни и панически боящийся конфликтов и

неудобных объяснений последний из династии Романовых с самого начала – с Ходынки! – нес в себе какую-то обреченность. С каким-то роковым постоянством он умудрился совершить все возможные ошибки. Николай II был, наверное, очень хорошим человеком, но – «частным» и, по существу, тоже «чеховским человеком», т.е. ощущавшим трагизм времени, надвигающуюся катастрофу и искавшему забвения в «серебряных иллюзиях своего века». Он был бы, несомненно, очень хорошим конституционным монархом, но упорно отстаивал принципы самодержавной власти, замкнув на себе всю полноту ответственности за скатывание страны в пропасть. Действия его нелогичны, если, конечно, не понимать под логикой инерцию.

Однако, о какой «пропасти» можно говорить по отношению к стране, которая имела одни из лучших темпов промышленного развития в мире, где действовало весьма прогрессивное рабочее законодательство, где неуклонно рос уровень жизни и где была одна из самых прочных и высококотируемых валют? Сенатор В. Вильсон, будущий президент США, посетивший Россию незадолго до Первой Мировой войны, в своем отчете не без озабоченности констатировал: «При сохранении современной динамики развития Россия в ближайшие двадцать или менее лет станет безусловным лидером мира»⁴⁰ (те самые двадцать лет, о которых говорил П.А. Столыпин, последний, кто пытался избежать катастрофы и кто был предан всеми, в том числе и своим императором!).

Нет, дореволюционная Россия не была ни «пряничным домиком», ни «рождественской открыткой», как ее будут изображать после краха Советского Союза. Но правда также в том, что Россия и в самом деле была страной, стабильно идущей по пути экономического и социального прогресса. И большую часть своей истории Советский Союз будет сравнивать свои достижения с 1913 годом. Впрочем, и вступив во второе десятилетие XXI века для современной России многие позиции завершающего десятилетия империи Романовых оказываются недостижимы.

Итак, где же та зияющая «пропасть», в которую обрушилась Россия? С экономикой, с жилищем, с деньгами – с этим все обстояло благополучно; где-то не хуже, а где-то и лучше многих стран из числа «ведущих капиталистических». Проблема была в идеях и людях. Если точнее – в отсутствии осмысляющей, объединяющей и возвышающей идеи, без которой ни одно государство, тем более империя, и тем более – Российская, жить не может. «Третий Рим» растаял в обжигающих лучах секуляризма. «Православное Возрождение» в русской философской мысли рубежа XIX-XX веков не должно нас обманывать – чрезвычайно узким был круг людей, осознавших не только пустоту под империей, но ясно увидевших тот источник, что питал Россию, давал ей смысл и силы. Мысль «русского православного Возрождения» не

⁴⁰ Гершов З. Вудро Вильсон. М., 1983. С. 223.

стала (или не успела стать?) доминирующей в смакующем свою опустошенность «серебряном обществе».

Иной, равноценной идеи так и не нашлось. Империя без идеи (с омертвевшей идеей) подобна «мертвому городу», что оставлен жителями – стихии разрушают его и сам он становится легкой добычей для всякого желающего. Эстетика театрализованной жизни и беседы об абстракциях «общечеловеческих ценностей» при отсутствии единящего начала разбивали общество на автономные и стремящиеся к герметизации культурные анклавы, которые, в свою очередь разбивались торжеством индивидуализма. Общество впадало в состояние химеры – пока вялой, безвольной. Но это – до первой крови.

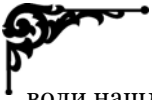
Первая Мировая война окажется роковой для империи вовсе не по причине слабой к ней подготовки или чрезмерных тяжестей – Россия переживала и не такое. Наоборот – война консолидировала общество, укрепляла дух и государственный инстинкт. Но так бывает в героическую эпоху. Война безжалостно обнажает и многократно увеличивает качества нации. А какие качества нации в состоянии химеры? М.Ильин объяснял это очень точно: «В основе революции лежит расхождение классов по противоположным тупикам классовых интересов и невозможность к созерцанию и волеию Целого». ⁴¹ И как итог: «Революция состоялась в России потому, что она была подготовлена в душах людей. С одной стороны, росло сочувствие ей; с другой стороны, падала сопротивляемость». И все это, при «социальной безыдейности и бездеятельности русского императорского правительства». ⁴²

Империя обрушилась с невероятной легкостью. Обрушилась под натиском тех, кто смог предложить новую объединяющую идею, по своему мессианскую, страстную, современную, глобальную по масштабу. Идею, как казалось, достойную России. Идею, которая оказалась перевертышем «Третьего Рима», как и рожденное революцией и гражданской войной государство – Советский Союз – оказалось перевертышем, оборотнем Российской империи.

«Инерция» и «Агония» совмещаются (предваряются) с темой, прослеживаемой в «увертюре XVII века» – брожение умов и надлом. В темпах здесь очевидный **punctus contra punctum**: если одна группа (сначала доминирующая) двигается от **allegro non troppo** к **andante comodamente** и, далее, вплоть до **largamente** (естественно, утрачивая доминирование), то вторая группа, начиная с **allegro assai** приходит к лидирующему **allegro agitato**. Причем, все очевиднее наличие между группами **dissonance**. Причины распада понятны. Прежде всего, это отсутствие привычных высоких критериев и ориентиров жертвенности. Во-вторых, это энергетическая деградация общества на тех «социальных этажах», что привыкли быть ведущими. Отсутствие

⁴¹ Ильин М. Кризис безбожия. М., 2005. С. 153.

⁴² Там же. С. 157.

воли нашла выражение в эстетике модерна, в мировоззрении декаданса, в эмиграции тех, которые видели себя «носителями передовых идей» и «общественным авангардом» в эстетских иллюзиях-фантамах «Серебряного века». Не случайно театр стал тогда ведущим видом искусства. Притом, что «театр в России всегда больше, чем театр», все же театрализация становится наиболее характерной чертой бытия.

Если в XIX веке произошел раскол общества на «Опискиных», «Верховенских», «Ростаневых» и «Войницких», то в XVII веке тоже произошел раскол – Церкви и, соответственно, тоже общества. Церковный раскол – весьма драматическая и исполненная суровой страстности страница отечественной истории, в церковный раскол оказалась, по существу, втянута вся страна, все сословия. Однако тогда катастрофу удалось предотвратить. Причина в том, что «Третий Рим» был идеей живой, разделяемой подавляющим большинством – кстати, в равной мере и «никонианами» и «раскольниками», и простонародьем, и дворянством. Тем более, что династия оказалась в состоянии выдвигать небывалой харизматической мощи фигуру лидера – Петра Великого. К сожалению, ничего подобного спустя два века не случилось.

Что же в конце концов произошло внутри последних трехсот лет, пока Романовы сидели на престоле?

«Вряд ли можно сомневаться в том, что ныне большинство исследователей осознают, что в XVII веке «рождений» и «отмираний» было значительно больше, чем в каком либо ином столетии...», писал Свет О.Кристенсен.⁴³ О каких «рождениях» и «отмираниях» идет речь? Если исходить из того, что XVII столетие – это первый полноценный век Нового времени, т. е. первый постдекартовский век, исповедующий принцип «человека как мерила всех вещей» и, следовательно, сознательного секуляризма, то под «рождением» понимается десакрализация отношений, как мира и человека, так и власти и человека, а под «отмиранием» – растворение во времени традиционного сакрализованного мировоззрения. Основой мира, всех взаимоотношений в нем становится не предание, не традиция, и не однажды и навсегда данный свыше Завет, а целесообразность и договор.

Применительно к государству и власти это предполагает отказ (отмирание) претензий на духовное лидерство. В конечном счете, государство понимается как форма «общественного договора», а законы как свод правил, которые меняются вслед за конъюнктурами в процессе развития. Западноевропейские государства к такой трансформации были готовы исторически. Власть духовная (религиозная) и мирская, т.е. социально-политическая, здесь были разделены в ходе средневекового развития. Духовная власть выражалась в первенстве римских пап и Католической церкви, которой не удалось политически подчи-

⁴³ Кристенсен С. О. История России XVII века. Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 24.

нить и вобрать в себя формирующиеся государства. В свою очередь ни одной государственной системе – при том, что такие попытки предпринимались неоднократно, – также не удалось полностью поставить под контроль Церковь⁴⁴. Монарх был лидером сословно-политическим, воплощал в себе исторические традиции и был одним из источников законов, но не духовным источником. Если в Европе имел место четко прослеживаемый процесс к размежеванию духовного универсума и светской власти, то в России происходил процесс равно обратный.

Видимо, именно это имел в виду А.Аверех, который противопоставлял «русское самодержавие» и «европейский абсолютизм».⁴⁵ Если «русский абсолютизм» (т.наз. «азиатско-московский деспотизм») есть форма власти, претендующая на тотальность, то в «европейском абсолютизме» заключены принципы «правового государства». Все это звучит угрожающе и все вышеизложенное обычно понимают так – отказ от самодержавия есть отказ России от ее азиатской природы (что значит – дикости) и возвращение в просвещенную Европу. Но, вообще-то, почему под «азиатством» нужно непременно понимать «монгольское наследие»? Азия в понимании и европейцев (во все века), и наших соотечественников есть прежде всего Восток, который по своей истории и культу-

⁴⁴ Попытки обретения церковно-государственного синтеза были взаимными и крайне болезненными, но неизменно безрезультатными. По мере формирования наций (а именно это и есть основное содержание средневековья – формирование из этнического хаоса «темных веков» полноценных наций, атрибутом которых на завершающем этапе стало завершение кристаллизации устойчивой системы национальных государств) они начали тяготиться католической церковью с ее ригористическими претензиями на универсализм. В XVI веке по католической церкви был нанесен мощный удар – вместо задуманной М. Лютером реформации католицизма появились протестантские церкви, полностью подчиненные национальным элитам. Однако их характер не позволял публичным носителям власти претендовать на место духовных лидеров. Религия была приватизирована. Там, где католицизм сохранил влияние, духовный центр находился вне пределов государств, монархи стали лидерами сословно-политическими, воплощая в себе исторические традиции и один из источников законодательства, но не в духовной сфере, даже в том случае, если король носил титул «наихристианнейшего короля» (как во Франции) или «католического короля» (как в Испании). То, что короли не были духовными вождями, а лишь вождями государственными (а при формировании наций – национальными) позволяло сильно ограничивать их власть Парламентом, Генеральными штатами, Рейхстагами, сеймами, кортесами, стортингами и т.д., т.е. сословно-представительскими законодательными институтами. Земские соборы в России, казалось бы, были их аналогом, но было и принципиальное различие – они инициировались монархом.

⁴⁵ *Аверех А.Я.* Утраченное равновесие // История СССР. 1971. № 4. С. 63–64. См. также: *Аверех А.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. №2. Идея такова: в юридическом плане разницы между «абсолютизмом» и «самодержавием» нет, но она существует в социально-политической сфере.

ре несоизмеримо древнее Запада, и который имеет веками апробированные и устоявшиеся традиции (яркий пример – Ахеменидская держава)⁴⁶. В том числе и традиции синтеза власти светской и духовной – именно такая власть именуется «деспотией».⁴⁷

Несомненно, многое в светской власти Московской России было и от Византии, и от Орды, и от собственных традиций. И это естественно – в процессе исторического развития сохраняется наиболее жизнеспособное и испытанное. Так от чего следует «отказаться» России в XVII веке? Очевидно, (хотя бы из «Тайной дипломатии» К.Маркса) что европейцев более всего беспокоила установка России на имперский универсум и, следовательно, опаснее всего для них была не некая абстрактная «азиатчина», а византийское наследие. Иначе говоря, произошла подмена понятий: Россия должна была отказаться отнюдь не от «деспотии», а от установки на строительство Православной империи. Как будто бы тема не новая: открытый конфликт православной Руси и католического Запада произошел в эпоху Крестовых походов, а именно – в начале XIII века, в то самое время, когда крестоносцы Ги де Монфора разграбили Константинополь и пресекли историю Византии⁴⁸. Но в XVII веке для европейцев религиозный вопрос был даже

⁴⁶ Европейская историческая традиция, основываясь на эллинской и римской историографии, много постаралась, чтобы представить Восток оплотом ужасных тиранических режимов и цивилизационной дикости. Наиболее наглядный пример такой подмены – тема греко-персидских войн, которые предстают как нашествие азиатских диких орд («Восток Ксеркса») на островок «демократической цивилизации» в виде Эллады. Но ведь в тот момент (рубеж VI-V вв.до Р.Х.) именно империя Ахеменидов была вместилищем всех древних культурных ценностей, которые усилиями этой же империи были сохранены и развивались. Именно Ахемениды принесли многочисленным народам Азии мир, и при этом, в отличие от Ново-Вавилонского или Ассирийского царств, не звергли эти народы в национальное унижение. Не случайно в Ветхом Завете о царе Кире, вернувшем иудеев в Израиль, сказаны только добрые слова. Европейцам невыносима сама мысль о том, что Ахеменидская империя – первый в истории удачный пример универсального государства без ущемления наций, их памяти, традиций и своеобразия. А Эллада как раз представляла собой сборище грызущихся в смертельной вражде полисов, которые изнутри разрывались между олигархиями, оклократиями и военными диктатурами (и все это гордо называлось «демократией»).

⁴⁷ Если «деспотия» есть синтез духовной и светской власти, т.е. деспотия – власть, обладающая высшей легитимностью, власть сакральная, то «тирания» (а обычно между ними ошибочно ставится знак равенства) есть власть узурпированная, преследующая нарушение закона и традиций. Т.о. «деспотия» и «тирания» есть полные противоположности друг друга, и методологическое совмещение их – это подмена понятий.

⁴⁸ Если иметь в виду, что Крестовые походы есть первый опыт европейской колониальной экспансии, то все рассуждения о том, что Руси надо было бы сменить Православие на западную ипостась Христианства, звучат цинично: с утратой Православия Русь ожидала утрата идентичности и колонизация.

Династия Романовых

не третьестепенным – со вступлением Европы на путь подстегнутого протестантским мировоззрением капитализма, остро стоял вопрос о внешних экспансиях.

Доктрина «Третьего Рима» декларировала, что и Россия вступила на этот путь и, как покажет история, весьма в этом преуспела, распространив свои пределы до Тихого океана и Памира. Тут следует отметить три важнейших фактора. Первый – Россия становится конкурентом Западной Европы в борьбе за мировое господство. Второе – Россия, страна богатая и расположенная между Европой и Азией, крайне интересует европейцев как объект колониальной экспансии. Третье – Россия в своем византийском наследии выступает, как непримиримый идейный враг европейского меркантилизма, а вскоре и как главный враг либерализма и атеизма. Как следствие, в процессе то обостряющегося, то утихающего противостояния Россия неизбежно будет акцентировать свое отличие от Европы, а оно прежде всего выражается во власти «автократической деспотии», иначе говоря – в самодержавии. А самодержавие с начала XVII века неразрывно связано с династией Романовых.

Но ведь Россия не может существовать в безвоздушном пространстве. Всякое государство, как сложный социально-политический, экономический и культурный организм, вынуждено вступать в «отношения» с другими подобными системами, даже если они для него потенциально опасны. В противном случае можно, замкнувшись в политике изоляционизма (как показали примеры Китая или Японии) «утратить чувство помоста» и незаметно деградировать. С другой стороны, всякие «отношения» – это взаимопроникновение, что для России, в силу ее высокой степени позитивной комплиментарности, несет ощутимую опасность.

Но что означает для Европы Новое время? Процесс стремительного движения от синкретизма к окончательному торжеству секуляризма. И вот тут возникает главный вопрос для империи Романовых и, следовательно, «биографический» вопрос для России – если общество секуляризируется (а избежать этого вряд ли возможно, поскольку России, как системе, претендующей на универсум и нуждающейся в адекватности своего механизма Европе, придется начать развитие капиталистических отношений), то как с этим сможет ужиться самодержавная монархия? В этих условиях общество неизбежно бюргеризируется и в нем нарастают те самые «демократические тенденции», торжество которых должно уничтожить, как чуждое, само понятие сакральности власти. Более того, бюргеризация означает рационализирование всей системы и переход политики к жесткому меркантилизму. Православная империя – структура отнюдь не рациональная в капиталистическом понимании; это система чрезвычайно затратная и жертвенная, прежде всего для титульной нации. Это гибельный для православной российской монархии путь. В этом движении России

предстояло отказаться от доктрины «Третьего Рима», как идеи архаической и крайне нерентабельной, а также (как неизбежное следствие) кардинально пересмотреть общественный уклад⁴⁹.

Этот путь предполагал т.наз. вестернизацию. Сама по себе проблема вестернизации для России крайне болезненна и однозначного ответа не имеет. Ситуация чем-то схожа с проблемой взросления, когда человек, набираясь опыта и нарабатывая методику адекватного поведения в обществе, утрачивает присущую детству ясность чувства и нравственных позиций, т.е. социализируясь человек вступает на путь бесконечных компромиссов.

Необходимость вестернизации понималась уже в XVII веке и первые ростки ее проросли как в сфере бытовой, так и художественной культуры; многочисленные «прожекты» того времени (например С.Ртищева или С.Полоцкого) предполагали вестернизацию как неизбежное средство. Без вестернизации Россия не смогла бы дать достойный ответ на страшный по мощи исторический вызов со стороны Западной Европы, в основе которой было «возвращение России к ее природной дикости» и последующая колонизация. Отбитый в эпоху Петра I, этот исторический вызов имел то последствие, что установил непосредственный контакт России и Западной Европы.

Парадокс в том, что в противопоставлении себя Западу России приходилось в поисках адекватных инструментов многое заимствовать у того же Запада. Коварство ситуации в том, что технологии «продаются» только совокупно с идеями. Последовательное движение России в русле вестернизации означало, в конечном счете, отказ от «русской идентичности», от «русской судьбы». И уж совершенно точно это предполагало отказ от идеи Православного царства и, соответственно, от православной автократии (т.е. самодержавия). Что ожидало бы в таком случае Россию?

Ответ славянофила однозначен – растворение России, как самостоятельной цивилизации, в Европе, историческая аннигиляция: разрушение духовных основ сделают Россию легкой добычей для внешней экспансии. Ответ западника-интеллекта неизменен во все времена – превращение России в демократическое государство, основанное на первенстве закона, как часть Европейской цивилизации, по-

⁴⁹ Даже Византия в самом начале средневековья пережила потрясение от нежелания значительной части элиты и населения нести тяжкое имперское бремя. Они попытались заставить деспотическую власть отказаться от этой миссии и предпочесть рядовое национальное благополучие. Именно таковым было основное содержание восстания «Ника» 532 года, сокрушенное Юстинианом Великим. Более того, десакрализация (когда человеческие законы подменяют собою Завет и традиции) и, соответственно, демократизация (когда сиюминутные интересы группы активистов ставятся выше долгосрочных исторических целей нации) ведут неизбежно (другой вопрос, как быстро?) к торжеству атеизма и индивидуализма.

Династия Романовых

скольку несомненна «духовная солидарность России и Западной Европы, как неразрывных частей одного культурно-исторического целого, имеющего включить в себя все человечество». Ведь русское западничество исходило не из концептуального различия России и Западной Европы (мысль об «особом русском пути» и сегодня либертированной интеллигенцией воспринимается не иначе, как ересь), а из того, что «русский путь – это уже пройденный путь более передовой европейской культурой». ⁵⁰

Русское западничество различно и оно видоизменялось с течением времени. В XVII веке формальными западниками можно назвать столь разных людей, как Б.Морозов, С.Ртищев, В.Голицын, А.Матвеев. В XVIII веке все перепутано: легко ли относить к «западникам», скажем, Ф.Ромодановского, Б.Куракина, П.Румянцева. Г.Потемкина, А.Суворова или Ф.Ушакова? Хотя были и очевидные «западники», такие как Н.Панин или Н.Мордвинов, а прежде всего сама Екатерина II. Образ примечательный своей «порубежностью» в мировоззрении: императрица искренне любила Россию и искренне ею восхищалась, она искренне заботилась о русском имперском величии, но империя ею понималась вне духовной (религиозной) основы, а исключительно в категории европейской – «просвещенного абсолютизма». Либертианство эпохи Просвещения с готовностью было воспринято дворянством, обретшим свободу от службы государству и все более утрачивающим государственнический и национальный инстинкт.

Век XIX – это торжество западничества, прорастающего (конечно, с самыми благими побуждениями) буквально во всех сферах. Все они, по большей части, атеисты. Иные же, как П.Чаадаев. В. Печерин, И.Гагарин, В.Соловьев, С.Волконский и прочие, – склонны были видеть в Православии «религию рабов» и не скрывают своего тяготения к западным формам Христианства. Вопрос религиозный здесь – принципиален! Небрежение Православием, а тем более атеизм, говорят о непонимании природы Российской империи. Если европейцы встали на путь секуляризации и решительно двигались через эпоху Просвещения (XVIII век) и позитивизм (XIX век), исповедуя сугубый рационализм и материализм к торжеству атеизма, то Россия избрала путь консервации синкретизма. Государственная идея России не «отставала» от Западной Европы (и не «перегнала» ее), и она не нуждается в том, чтобы «догонять», «перегонять», «делать рывок», равно, как не имеет в принципе возможности «духовно солидаризироваться с Европой». Россия – это действительно иной мир, иная цивилизация: не «колониальная империя», как Великобритания или Франция, не «во-

⁵⁰ Называют следующие причины «отставания» России (они, кстати, приняты и сегодня): 1) Неудачное географическое расположение, удаленной от центров Античной цивилизации, из-за чего славяне ничего из нее и не наследовали в отличие от европейцев; 2) Монголо-татарское иго, задержавшее развитие русских земель века на два.

енная империя юнкерства», как Германия, а империя Православная, понимающая свою задачу не как вульгарную экспансию, а как соборность народов⁵¹.

⁵¹ Здесь перед Россией было и есть два возможных пути развития.

Первый предполагает полный отказ от внешней экспансии и, в перспективе, к утрате окраин, поскольку они затратны. Такой выбор – мечта русского либерала, видящего в самом факте существования Российской империи вызов и угрозу для Запада. В этом случае Россия устраняется не только как конкурент, но и как равный партнер. Такой выбор можно сделать только на полном «энергетическом выдохе». Исторический опыт показывает – империи не могут двигаться вспять, поскольку тем самым они дезавуируют себя и, соответственно, распадаются. Это путь самоубийственный, путь в небытие.

Именно такой сценарий начал осуществляться в России с конца XX века. Ведь 1917 год стал смертью для «души», но не для «тела» империи. Советский Союз – это извращенная пролонгация «Третьего Рима», где Православие подменялось вульгарной марксистской доктриной. Марксистской, а не марксистско-ленинской, поскольку последняя является не более чем практическим учением по захвату и удержанию власти любой ценой. Вопрос власти лично для В.Ленина был основным. Можно сказать так: марксизм-ленинизм есть универсальное практическое учение об узурпации власти и тирании.

Как и империя Романовых, Советский Союз неразрывно совмещал идейно-религиозную доктрину со специфической социально-политической организацией, что делало систему исключительно мощной, но не гибкой, а значит, качественные трансформации мировой цивилизации, когда меняются доминанты и стереотипы, для него смертельно опасны. Советский Союз даже более откровенно и вульгарно, чем Российская империя, декларировал свой универсализм и стремление к абсолютному доминированию в мире.

Подобно тому, как западноевропейский секуляризм был в отношении Российской империи антисистемой, так и Советский Союз был в ее отношении не меньшей антисистемой. Правда, и в отношении секуляризма Советский Союз также являлся антисистемой – он также был воплощением идеализма, хотя и бездуховного. В доказательство того, что советской общество было отнюдь не бездуховным, обычно приводятся яркие примеры в области литературы, поэзии, театра, музыки, хореографии, науки. Действительно, в СССР – особенно это видно по прошествии времени – культура находилась в расцвете. Но так, вообще-то, и должно быть при тирании, и в истории подобных примеров слишком много. Но здесь есть подмена понятий: интеллектуально-культурная жизнь не есть таология духовности. Духовная жизнь предполагает не просто активность мысли, а жизнь мысли в контексте полноты теологического мировоззрения.

Опыт Советского Союза – опыт построения империи-оборотня, где все знаки перевернуты на противоположные. Нужно иметь в виду, что этот опыт стал возможен именно по причине гибели Российской империи. СССР было отмерено всего 72 года. При распаде СССР, как и Российской империи, невозможен путь, проделанный Великобританией или Францией, чьи «империи», основанные на колониализме и отделенные от колоний морями, были не более чем паразитами. Россия была более схожа империей Габсбургов, а еще более – с державой Ахеменидов. Процесс распада в начале XX в. был остановлен рождением Советской антисистемы. В начале XXI в. распад зашел дальше, но также был остановлен (или приостановлен?). В пору говорить об «особой русской судьбе»,

Это и есть то самое, что «умом (т.е. рационально, рассудочно) Россию не понять, аршином общим (т.е. европейским) не измерить». Именно в духовном идеализме (идеализм от – «идея»: «идея Духа») у России «особенная статья» и именно потому в нее «можно только верить» (верить – т.е. исповедовать). В контексте этого Российская империя (идея которой воплощена в сакральной фигуре монарха) обречена была на сопротивление секуляризму и, соответственно, на охранение традиционного общества. В этом идеалистическом качестве Россия была (и есть по сию пору!) «неизменно чужим» для Европейской цивилизации, где новоевропейское мировоззрение понимает сам факт технократического прогресса, как высшую ценность и смысл цивилизации. При этом прогресс есть изменение постоянное и тотальное до полного разрушения. И поэтому всякая система, стоящая на страже традиций (православная, католическая, мусульманская и т.д. – без разницы) будет восприниматься европейцами, как «антисистема». Россия в силу особенностей своего географического положения, ресурсов и мощи (духовного, культурного, политического качества) была для европейцев наиболее опасной «антисистемой».⁵²

Из этого контекста формируется особый путь – не распада, не трансформации «до изменения лица», а жесткого консерватизма, как осознанного противостояния. На этом, как оказалось, наиболее исторически обреченном пути не может быть и речи об отказе от сакральности высшей власти, а неизбежно его акцентирование.

Собственно, это произошло в середине XVII в., зафиксировано в Соборном уложении 1649 года – царь является воплощением и живой иконой царства, всякое злоумышление против царства есть злоумышление против царя и наоборот, все происходящее в царстве есть сфера личного интереса царя. Как всякие законы, Соборное уложение явилось результатом длительного развития. В 1649 году было констатировано то, что стало к тому времени больше чем законом – традицией, привычкой, общим мнением. К православной автократии Россия шла, продираясь сквозь смуты, войны и террор весь XVI век и именно

ведь по законам этнологии распад неостановим и невозвратен. Впрочем, история богаче правил и знает даже «второе издание» старых империй – была Ахеменидская держава, а спустя четыре века возродилась, как Сасанидская.

Второй путь возможен только при нахождении империи в активной фазе развития. Правда, империя должна отказаться от идейного идеализма в лице Православия и встать на путь классического колониализма. Вот тогда Россия и станет той самой «тюрьмой народов», как ее называли вожди большевизма.

⁵² Удивительно ли, что все союзы России и европейской стран – временные, и европейцы не считали для себя обязательным выполнять свои обязательства в отношении России. Массой предательств со стороны европейцев отмечены почти все союзы и XVIII, и XIX, и начала XX веков. В свою очередь Россия, даже в самых тяжелых для себя условиях, свои обязательства в отношении европейцев выполняла. Прекрасный тому пример – 1914 год, где «чудо на Марне» было оплачено гибелью русских на Мозерских болотах.

в Смутном времени до этого «дозрела».⁵³ Потому-то ополчения и стремились в Москву, которая была средостением страны (не просто страны – царства!), где надлежало первым делом избрать царя: в всеобщем сознании выкристаллизовалось как аксиома – есть царь, есть и царство, а царство это Россия!

В этом проявляется онтология власти в России, где правитель не «управленец», а непременно вождь⁵⁴. Онтология, как это очевидно, вполне восточная по происхождению, что ни хорошо, и ни плохо само по себе – это надо принять, как результат многовекового исторического опыта восточноевропейских племен.

Итак, быть может, главным итогом Смутного времени стало окончательное рождение сакральной формы монархии. Так получилось, что именно Романовым удалось в полной степени воплотить идеалы «византийского наследия». Они его и воплотили и стали его верными хранителями. Империя Романовых, это абсолютная вертикаль власти. И никаких иных источников власти кроме Бога невозможно и помыслить.

Не ирония ли это – «византинизм» Петра I? А как же все, что связано с его именем в нашей памяти буквально со школьной скамьи – «окно в Европу», бритье бород, европейский костюм, корабли, регулярная армия, любовь к Голландии и т.д.? Но сам то император никакой чистоты стиля не придерживался и уж точно не был ни либералом, ни демократом, зато был политиком рациональным, жестким, настроенным на целесообразность и результат любой ценой, и, заметим, политиком вполне традиционным.

А какова цель? Выведение России в мировое пространство именно как великую державу, т.е. как империю. Ничего нового им придумано не было – все уже было придумано его предшественниками и кое-что даже начато⁵⁵. Он же сообщил идеям свою могучую волю

⁵³ Данное положение весьма решительно (как это ему и было всегда свойственно) отстаивал св.Иосиф Волоцкий: «Государь естеством подобен человекам, а властью – Богу». Он утверждал, что как «наместник Бога на Земле» государь есть равно и глава государства, и глава церкви, что равно православной автократии.

⁵⁴ Россия, надо сказать, – вообще страна, склонная к максимализму. Потому-то и в поэзии ищется откровение истины, и от литературы ждут философии, и «театр больше, чем театр». Потому и эстетика вне этики – лишь искушение и перевертыш. Потому чрезмерны проявления радости и печали. Потому и дружба понимается не иначе, как духовное родство. Россия – мир крайностей. В этом красота и судьба России.

⁵⁵ Например, к 1725 г. в России функционировало 221 промышленное предприятие, из которых 200 были инициированы Петром I, но 21 существовали до этого, основанные при его предшественниках. (См. *Мавродин В.* Петр Первый. Л., 1948. С. 305). Первые регулярные полки иноземного образца были созданы при Михаиле I, первыми полковниками стали Ван Дам (1632 г. – драгунский полк) и Шарль Эберс (1639 г. – пехотный полк). Всего при Алексее

Династия Романовых

и привел в действие огромный и плохо настроенный механизм. Нельзя не видеть, что Петр I выступает и как идеолог, и как инициатор действия, и как верховный арбитр (в том числе и нравственный): «полководец, герой, мореплаватель и плотник» и, вообще, «первый работник», что предполагало предельную концентрацию. Добавим к этому – и глава Церкви. Упразднив должность патриарха и создав подведомственный императору Синод, превратив, таким образом, духовенство в государственных чиновников, Петр сделал то, о чем мечтал и даже изложил законодательно в своих новеллах византийский император Юстиниан Великий.

Казалось бы, опровержением этому должен стать Санкт-Петербург – воздвигнутая по воле Петра I новая столица России, как, казалось бы, «вестернизированной империи», т.е. империи, в корне изменившей своей Православной природе. «Столица универсального государства дает хорошую почву для посева семян духовных, – писал сэр А.Тойнби, – ибо город, исполняющий экуменическую форму, является уменьшенной копией большого мира... Столицы империй являются также и пунктами передачи иностранной культуры». И не случайно сэр А.Тойнби в подтверждение своих слов приводит из европейских столиц только две – Вену (средостение Габсбургской империи) и Санкт-Петербург (средостение Романовской империи): «Так, Петр Великий понял, что самым эффективным методом продвижения западной культуры в Россию будет сооружение новой столицы. Это и явилось причиной, по которой он отверг Москву как столицу, ибо она оставалась цитаделью старой культуры».⁵⁶

Однако, перестает ли рыцарь быть рыцарем, если он отказывается от доспехов, которые с развитием военной техники становятся бесполезными? Рыцарь – это не внешний вид, а мировоззрение, т.е. нельзя подменять эстетикой сущностное основополагание. Равно и язык той или иной нации не перестает быть родным для этих наций, трансформируясь со временем, утрачивая архаизмы и обретая большую пластику и выразительность. Санкт-Петербург есть новая эстетика «Третьего Рима», но никак не «новая философия» империи. Да, новая столица выстраивалась по единому плану, который конечно был начертан самим Петром I. Но ведь и в Западной Европе перешли к городскому планированию уже после эпохи Возрождения, т.е. не более,

имелось 25 рейтарских и драгунских полков и 25 (по ряду источников 35) пехотных полков «иноземного образца». Из полков времени Алексея I до 1917 г. сохранились: 1) лейб-гренадерский Эриванский (бывш. Бутырский) 2) лейб-драгунский Псковский, 3) уланский Харьковский, 4) гусарский Сумский, 5) гусарский Изюмский, 6) гусарский Ахтырский, 7) гусарский Киевский, 8) гусарский Черниговский. В 1648 г. появился первый воинский устав: «Учение и хитрости ратного строя пехотных людей» (*Керсновский А.* История русской армии. С. 15-16).

⁵⁶ Тойнби А.Дж. Постигание истории. С. 513.

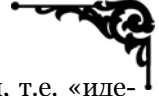

чем веком ранее в России – планирование является естественным ответом на умножение городского населения.⁵⁷ И кстати, так ли уж «планирование» противоречит традициям – Константин Великий (а любому русскому государю было бы в высшей степени лестно сравнение с равноапостольным императором) свою столицу «Новый Рим» (т.е. Константинополь на месте колонии Византий) выстраивал по собственному (!) ансамблевому плану.

Но отдав должное «византийской традиции» в градостроительстве, Петр I остался верен и отечественным традициям – город выстроен по принципу сосуществования полуавтономных слобод, каждая из которых имела свою архитектурную доминанту – храм. Слободы окружают центр – детинец, кремль: таковым в новой столице является Петропавловская крепость. Стоит вспомнить ансамбль московского Кремля. Ведь этот ансамбль, воздвигнутый в очень короткое время трех десятилетий рубежа XV-XVI веков по сути является «архитектурной декларацией» Третьего Рима. Над Успенским, Архангельским и Благовещенским собором возвышается абсолютной доминантой, собирающей хаотичную и пеструю застройку в ансамбль именно колокольня «Иван Великий», ассоциируемая не с церковью св. Иоанна Лествичника, которой колокольня принадлежит, а с образом «Хозяина царства», т.е. государем Иваном III. В Петербурге меняется лишь эстетика, но смысл остается тот же! Новый наряд «Третьего Рима» никоим образом не отменяет сохранения в неизменной основе содержания «Третьего Рима».

Отметим – император уже при жизни становится «иконой». И это отнюдь не метафора: иначе как «иконой» конный памятник работы Б.Растрелли-Старшего назвать нельзя, а ведь заказчиком памятника, автором идеи, подробно оговаривавшим характер композиции и все детали был сам Петр I. Б.Растрелли послушно воплотил в скульптуре мысль Петра I, как в архитектуре столь же послушно ее воплощали Д.Трезини, Н.Микетти, Ж-Б.Леблон и иные зодчие, независимо от их дарований, как в политике ее воплощали Г.Головкин, Б.Куракин, П.Толстой, П.Шафиров, а в военном деле А.Меншиков, Б.Шереметев. А.Репнин, М.Голицын и иные «птенцы гнезда Петрова» (хотя многие были старше возрастом, чем император – все равно «птенцы»!).

⁵⁷ Интерес к градостроительству проявляли почти все гении эпохи Возрождения, но это были лишь фрагментарные рассуждения, а в практике они ограничивались в лучшем случае планированием локального ансамбля (пример: Капитолий в Риме по проекту Микельанджело, 1538-1540-е гг.). Первые завершенные теории связаны с Ф. Мартини (1439-1501), П. Каттанео (1500-1572), С.Серлио (1537-1584), Э. Тезауро (1592-1675), а также с теоретической и практической работой Д.Фонтана (1543-1607). В планировании Санкт-Петербурга вдохновляющую Петра I роль сыграли увражи итальянских архитекторов (из библиотеки в Преображенском дворце, оказавшиеся там из собраний Б. Морозова, Л.Ордын-Нащокина, С.Ртищева и А.Матвеева, появившиеся в России поколением раньше.

«Иконой» чего стал Петр I? Очевидно – самого себя, т.е. «идеального императора идеальной империи». Правда, до «идеальности» было далеко. Но ведь и икона изображает не то, что есть, а – преобразенное, промысливаемое. Демократизм Петра I есть лишь свойство его публичного характера, выражение его темперамента, но никак не свойство воплощаемой в нем власти. «Демократизм», «европеизм»... – все это не более, чем привлекательная, завораживающая внешняя окраска, декорация, искусная художественная штукатурка на фасаде, а вот «православная автократия» – внутреннее, сущностное свойство, тектоника.

Поразительно, как свойственно столь противоположным группам, как западники и славянофилы, «покупаться» на видимость, на внешний фактор. Славянофилы видят в этом «разрушение славянских древностей и благочестия, разрыв с Православием». Западники же – «прорыв к просвещенной Европе, разрыв с природной русской дикостью и первый позитивный опыт европеизации». Но империя Петром I возводится, а не разрушается. И возводится (правильнее – достраивается в соответствии с реальными потребностями времени) на том идейном фундаменте и на тех традициях, которые уже имеются. Империя не создается прекраснодушными, оторванными от реальностей идеалистами, демократами, либералами, интеллигентами и даже интеллектуалами – она создается деспотами, причем всегда в фазе энергетического максимума. Европа интересовала Петра I отнюдь не «философией власти», а исключительно «инструментами власти», ее технологией. А то, что в элиту вербуются (в основном через армию) новые люди из подлых сословий, что вводится «Табель о рангах» и работают активно т.наз. социальные лифты – это только свидетельство «здорового инстинкта власти» и «византинизма» никак не отменяет: многие византийские императоры тоже были выходцами из «низов». Ужели можно не увидеть в поступи, в осанке расстрелиевского монумента юстиниановского величия?!

Очарование эпохой Петра Великого – это очарование масштабom поставленных задач и романтическим порывом, концентрацией стихийной силы и победительностью. Но тем и опасна эта героическая и триумфальная эпоха, что показала, будто бы вестернизация возможна на службе «Третьего Рима», что она может быть укрощена до технологии (и не более!). Петр Великий показал, как можно «укротить» вестернизацию и ее, т.ск. обезвредить. Опыт казался убедительным. Но это был опыт гениального человека, которому судьба подарила достойный его потенциалу и характеру период времени, когда энергетический зенит нации еще не был пройден.

«Поднять Россию на дыбы» мог только человек гениальный, но даже и он не смог бы удерживать динамику политики сверхнапряжения продолжительное время. Главное же – опыт гения сугубо личностен и не может быть использован теми, кто не обладает столь же исключительными качествами. Подобное совпадение личности и вре-

мени – субъективного и объективного – более в истории династии Романовых не повторится: личности будут куда меньшими по масштабу, а героическая эпоха, щедро растрачивая людской капитал и поступательную энергию, ускорит переход к инерции.

Использованная литература.

1. *Аверех А.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. №2.
2. *Аверех А.А.* Утраченное равновесие // История СССР. 1971. № 4. С. 63-64.
3. *Бакунин М.* Философия, социология, политика. М., 1989.
4. *Бильбасов В.* Иоанн Антонович и Минович. М., 1908.
5. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. В 3-х тт. Т. 2. М., 1940.
6. Все монархи мира. Россия (600 жизнеописаний) / Под ред. К.Рыжова. М.: Вече, 2001.
7. *Гершов З.* Вудро Вильсон. М., 1983.
8. *Гребельский П., Мирвич А.* Дом Романовых: биографический справочник. Л., 1989.
9. *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.
10. *Зимин А.* Состав боярской думы в XV-XVI вв. М., 1958.
11. *Иконников В.С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.
12. *Ильин М.* Кризис безбожия. М., 2005.
13. *Керсновский А.* История русской армии. Т. 1 (От Нарвы до Парижа, 1700-1814 гг.). М.: Голос, 1992.
14. *Ключевский В.* Сочинения. Т.3. М., 1957.
15. *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. Письма. М., 1979.
16. *Кристенсен С. О.* История России XVII века. Обзор исследований и источников. М.: Прогресс, 1989.
17. *Мавродин В.* Петр Первый. Л., 1948.
18. *Павлов-Сильванский Н.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.
19. *Платонов С.* Лекции по русской истории. СПб., 1997.
20. *Сторожев В.Н.* Боярство и дворянство в XVII веке // Три века. Т. 2. М., 1912.
21. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. Сборник. М.: Прогресс, 1991.
22. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация. М.: Прогресс, 1997.